

Ламаркь, Огень, его взгляды имѣютъ свою исторію, а частныя изслѣдованія такихъ-то и такихъ-то второстепенныхъ ученыхъ подтверждаютъ ихъ. Точно также важно и Марксу показать, что, напримѣръ, его теорія цѣнности весьма близка къ теоріи такого авторитетнаго питателя, какъ Ривардо, развитія еще пятадесять лѣтъ тому назадъ. Понятное дѣло, что никакого умаленія заслугъ Геккеля и Маркса отъ такого образа дѣйствій произойти не можетъ. Напротивъ, въ этомъ именно лежитъ одна изъ важнѣйшихъ заслугъ ихъ, и даже не одна заслуга, а нѣсколько: во-первыхъ, заслуга передъ наукой, потому что они даютъ матеріалъ для исторіи развитія идей; во-вторыхъ, заслуга передъ обыкновенной читающей публикой, потому что она получаетъ возможность провѣрять и сравнивать ихъ выводы съ другими; въ-третьихъ, заслуга въ смыслѣ пропаганды, потому что они связываютъ свои идеи со взглядами людей, репутація которыхъ, въ томъ или другомъ отношеніи, стоитъ въ обществѣ высоко. Такой образъ дѣйствія вовсе не требуетъ слащавости и колѣнопреклоненія, порукой въ томъ рѣзкость полемики тѣхъ же Геккеля и Маркса, — а только добросовѣстности. Дѣйствительно, будьте вы только добросовѣстны и вы непременно изучите занимающій васъ вопросъ по возможности всесторонне, и непременно будете знать и помнить его литературу, и непременно пожелаете распространенія своихъ взглядовъ, и непременно съ этою цѣлью будете розыскивать предшественниковъ и единомышленниковъ и проч. Словомъ, все дѣло въ добросовѣстности. Но этого-то драгоцѣннаго качества и недостаетъ весьма многимъ, даже очень извѣстнымъ нашимъ писателямъ. Я очень хорошо понимаю всю тяжесть этого обвиненія и произношу его совершенно сознательно.

Недавно вышла книга г. Ватсона «Эпизодъ прусско-французской войны». По разнымъ причинамъ, я долженъ отказать себѣ въ удовольствіи подробнѣе поговорить объ этомъ, якобы, историческомъ сочиненіи. Скажу нѣсколько словъ только объ одной его сторонѣ. Г. Ватсонъ рассказываетъ многія, совершенно невѣроятныя, просто ни съ чѣмъ несообразныя вещи, въ такой же мѣрѣ несообразныя, какъ сообщенія г. Вагнера о похищеніи духами ордена изъ могилы въ Севастополѣ и т. п. (Пусть читатель обратитъ вниманіе, напримѣръ, на стр. 103 «Эпизода прусско-французской войны»). При этомъ, г. Ватсонъ оставляетъ читателя въ неизвѣстности относительно источниковъ, изъ которыхъ онъ добылъ свои свѣдѣнія. Только въ предисловіи говорится, что авторъ пользовался сочиненіями, «большею частью», (надобно бы, кажется, сказать «исключительно») враждебными изслѣдуемому имъ историческому явленію. Такое сочиненіе, конечно, не можетъ быть названо добросовѣстнымъ трудомъ. Очевидно, автору не очень-то дороги его воззрѣнія, потому что, хотъ кое-гдѣ въ литературѣ и раздавались похвалы книгѣ г. Ватсона, но это объясняется только закулисными литературными от-

ношеніями и трудностью положенія въ данномъ случаѣ критики; вѣ же литературныхъ дразгъ, въ публикѣ, взгляды г. Ватсона, благодаря своей очевидной несообразности и презрѣнію къ источникамъ, необходимо должны понести полное фіаско. А потомъ г. Ватсонъ напишетъ, можетъ быть, даже и очень хорошую и очень правдивую книгу, но ему уже никто не повѣритъ, какъ нѣкогда не дано было вѣры шаловливому пастуху, который предварительно надулъ своихъ односельчанъ неумѣстнымъ крикомъ «волки!» Таковы естественныя послѣдствія литературной недобросовѣстности, обнаруживающіяся рано или поздно.

О г. Ватсонѣ я только мимоходомъ. Въ трудѣ его мы имѣемъ образчикъ недобросовѣстнаго, некритическаго отношенія къ историческимъ источникамъ и фактическимъ даннымъ. Намъ будутъ занимать подобныя же критическія приемы по отношенію къ исторіи идей.

Хотя г-жа Ефименко и не желаетъ знать, гдѣ и когда кто что говорилъ, но это—только вообще, а, въ частности, весьма рѣзко подчеркиваетъ, что никто другой, какъ «г.г. Кавелинъ, П. Ч. и др.» сказали въ «Недѣлѣ» слово, имѣющее обновить литературу и успокоить провинцію. О г. П. Ч. я уже говорилъ и получилъ отъ него возраженіе (мимоходомъ сказать, я одинъ удостоился этой чести; г. П. Ч. простилъ и г. Пыпину, и газетнымъ хроникѣрамъ; впрочемъ, объ этомъ, не лишенномъ общаго интереса обстоятельстве—ниже). Къ сожалѣнію, возраженіе это не таково, чтобы покончить съ недоразумѣніями, и не таково даже, чтобы вызвать дальнѣйшую полемику. Однако, я вернусь еще отчасти къ нему въ связи съ нѣкоторыми другими мыслями, высказанными въ «Недѣлѣ». Теперь напомнимъ только, что рѣчь шла о «деревнѣ», о «народно-психологической подкладкѣ», долженствующей обновить литературу и проч. Въ этомъ состоитъ то «новое слово», которое сказала «Недѣля», по мнѣнію г-жи Ефименко и самой почтенной газеты. Это же слово, какъ мы видѣли, приписывается и г. Кавелину.

Г. Кавелинъ былъ нѣкогда писатель чрезвычайно дѣятельный, оказавшій многія услуги русской литературѣ и принадлежавшій къ «западническому» толку. Это было настолько давно, что терминъ «западничества» имѣлъ еще вполне опредѣленный и очень важный смыслъ. Со времени памятнаго общественнаго и литературнаго движенія, начавшагося въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, г. Кавелинъ постепенно сходитъ со сцены. Изъ первыхъ рядовъ литературы, въ которыхъ онъ стоялъ въ сороковыхъ годахъ, онъ уходитъ куда-то назадъ, увядаетъ. Въ наши дни онъ опять разцвѣтаетъ, и вотъ ему приписывается даже «новое слово.» Нельзя сказать, чтобы, въ періодъ своего увяданія, г. Кавелинъ совсѣмъ исчезъ съ литературнаго горизонта и рѣшительно не обращалъ на себя вниманія. Напримѣръ, его прекрасная статья объ общинномъ землевладѣніи, напечатанная въ «Атенѣ» 1859 года, была замѣчена и оцѣнена по достоинству.

предъ священникомъ потому только, что онъ—священникъ. Въ республикѣ каждый вправе думать и дѣйствовать самъ за себя. Что же касается до меня, то, получивъ такой урокъ, я буду вѣрно держаться за республику, пока республика держится за меня».

«А вы не боитесь, что эту республику погубятъ ея же граждане?»

«Нѣтъ, нѣтъ, съ одушевленіемъ говорить молодой человекъ:— нѣтъ никакой опасности, пока у иезуитовъ такіе соперники, какъ эти американцы, которые возводятъ кипящую жизнь города тамъ внизу, подлѣ залива. Подъ защитою звѣздъ и полосъ намъ нечего бояться за свободу мысли».

Иезуитскія ухищренія, бессильны противъ благотворнаго развитія, даваемого самою жизнью свободной республики. Не школьное образованіе одно поможетъ очистить американское общество и отъ такихъ чужеродныхъ наростовъ, какъ «Ку-Клуксусы» и т. п. Главное лекарство противъ подобныхъ безобразій— сознаніе ихъ ненужности, а оно придетъ, какъ только американское общество повинетъ заботы о преобладаніи надъ цвѣтными расами и о борьбѣ всѣхъ противъ каждаго и обратитъ свои силы и свою громадную энергію на свое гражданское развитіе.

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

XX.

Газета «Недѣля», «мыслящіе провинціалы», г. Кавелинъ и проч.

Nabent sua fata libelli, и статьи, конечно—тоже, и писатели, и литературныя партіи—тоже. Бываетъ такъ, что какая-нибудь статья, какой-нибудь писатель, какая-нибудь группа писателей вдругъ становятся модными: о нихъ говорятъ, спорятъ, отъ нихъ проходу нѣтъ—и все это часто вовсе не потому, чтобы въ нихъ блеснула какая-нибудь совершенно новая мысль или, вообще, какія-нибудь выходящія изъ ряда вонъ достоинства, а по причинамъ, даже внѣ ихъ лежащимъ и почти неудовимымъ. Такъ было недавно съ гр. Львомъ Толстымъ, который, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, прошелъ незамѣченнымъ (не какъ романистъ, разумѣется), а нынѣ, повторивъ почти буквально (и, во многихъ отношеніяхъ, гораздо слабѣе) свои тогдашнія воззрѣнія, долго занималъ собою литературу и вызвалъ оживлен-

ные споры. Но гр. Толстой, еще особь статья. Гораздо удивительнѣе тотъ внезапный интересъ, который нынѣ получили гг. Мордовцевъ, П. Ч., «Недѣля» и провинціальная литература. Толками о нихъ переполнены газетные фельетоны; статья г. П. Ч. послужила тѣмой для разсужденій и г. Пыпина, и публицистовъ «Дѣла», и газетныхъ хроникѣровъ, и вашего покорнѣйшаго слуги; г. Мордовцевъ вызвалъ противъ себя цѣлый походъ въ «Недѣлѣ», въ недавно вышедшемъ казанскомъ сборникѣ «Первый шагъ», въ газетѣ «Сибирь», въ «Донской Газетѣ»; «Недѣля», по мнѣнію многихъ, чуть ли не переверотъ въ литературѣ произвела; провинціальные писатели съ необываю энергіей стремятся помѣряться съ «столичной прессой». Называя совокупность этихъ явленій достойною удивленія, я разумѣю только ея внезапность, а не внутренній смыслъ вопроса, затрогиваемыхъ упомянутыми авторами — смыслъ, безспорно, чрезвычайно важный. Никто—говорю это смѣло—не радуется больше меня тому, что именно эти вопросы занимаютъ общество и ея зеркало—литературу. Точно также радовался я внезапному оживленію, вызванному статьею гр. Толстого. Но тамъ я былъ преимущественно удивленъ тѣмъ, что идеи этого писателя прошли въ свое время безслѣдно. Теперь же я, напротивъ, удивляюсь тому, что П. Ч. и Мордовцевъ, Мордовцевъ и П. Ч., и опять П. Ч. и Мордовцевъ не даютъ никому спать, между тѣмъ, какъ г. П. Ч. и, вообще, «Недѣля», въ самомъ выгодномъ для нихъ случаѣ, не успѣли даже высказаться, а статьи г. Мордовцева о провинціальной печати представляютъ беспорядочную «игру ума», отъ которой самъ авторъ почти отказался. Конечно, это показываетъ, что, такъ или иначе, дурно или хорошо, положительно или отрицательно, но тронутъ наболѣвшее мѣсто. Но дѣло въ томъ, что, оставляя въ сторонѣ г. Мордовцева, «новое слово» «Недѣли» не есть новое, оно имѣетъ свою, не Богъ знаетъ какую длинную исторію, но все-таки исторію, которая почему-то упорно игнорируется и самую «Недѣлю», и всѣми, кто обращается къ этой почтенной газетѣ то съ ироніей, то съ оваціями. Провинціальная литература была у насъ до сихъ поръ дѣйствительно какъ бы въ забросѣ, чему, однако, существуютъ если не оправданія, то очень осязательныя причины. Чтѣ же касается до новаго слова «Недѣли», провозглашаемаго съ такой помпой, то соотвѣтственное наболѣвшее мѣсто трогается имъ далеко не впервые. Трогалось оно не одинъ разъ много лучше и много яснѣе. Чтѣ же за причина внезапнаго появленія модъ à la П. Ч. и à la «Недѣля»? Вопросъ этотъ представляется мнѣ чрезвычайно интереснымъ. Не знаю только, сумѣю ли я имъ заинтересовать читателя, чтѣ было бы очень желательно.

Прежде всего, надо установить факты, т. е., во-первыхъ, показать, что упомянутыя явленія дѣйствительно существуютъ и находятся въ известной связи между собой, и, во-вторыхъ, про-

слѣдить хотя вратцѣ исторію идей нашихъ Колумбовъ и Америго Веспуччи. Можетъ быть, при этомъ сами собой обрисуются причины занимающей насъ внезапности. Я чувствую себя вполне способнымъ отнестись къ дѣлу совершенно безпристрастно, глубоко сожалѣю объ административныхъ карахъ, постигающихъ «Недѣлю», искренно желаю ей всяческаго успѣха и не только не намѣреваюсь предлагать ей отказаться отъ сути своихъ воззрѣній, а, напротивъ, потребую отъ нея болѣе ясной и опредѣленности... Да, только опредѣленности, потому что сюда подойдетъ, кажется, даже предложеніе отказаться отъ титуловъ Колумба и Америго Веспуччи, съ которыми я обращусь къ почтенной газетѣ.

Позвольте мнѣ сдѣлать слѣдующую большую выписку изъ статьи г-жи Александры Ефименко: «Одна изъ нашихъ народныхъ особенностей» («Недѣля», №№ 3—5 нынѣшняго года). Она введетъ насъ въ самое сердце вопроса. Напомню читателю, что г-жа Ефименко есть авторъ многихъ очень дѣльныхъ работъ по нашему обычному праву.

Нѣкоторыя заявленія «Недѣли» о деревнѣ, почвѣ, узкихъ рамкахъ и т. п. встрѣчены были со стороны нашей интеллигентной столицы болѣшимъ вопросительнымъ знакомъ и выраженіемъ крайняго недоумѣнія, которое до сихъ поръ не сходитъ съ физиономіи петербургской печати, какъ только рѣчь коснется «Недѣли» и ея мнѣній. Совсѣмъ иначе отнеслась къ этимъ заявленіямъ провинція, по крайней мѣрѣ, та ея часть, за которую нельзя не признать значенія наиболѣе здоровой части. Между тѣмъ какъ столица увидала въ нихъ лишь пикантный литературный сюжетъ, дававшій публицисту новую тему для болѣе или менѣе тонкихъ замѣчаній, фельетонисту — для болѣе или менѣе остроумныхъ выходокъ, провинція почувала въ ихъ заявленіяхъ то, чего не замѣтила столица — жизненную струю, которая можетъ провѣтрить страшно затхлую психическую атмосферу, дать новый толчекъ застоившимся жизненнымъ отправленіямъ. Кто правъ: проглядѣла ли столица, увлеклась ли миражемъ провинція? Наши личные симпатіи стоятъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, на сторонѣ провинціи. Намъ дико и чуждо то объективно-литературное отношеніе, которымъ встрѣтила столичная пресса вопросы, затрогиваемые «Недѣлей». Неужели вся сила въ томъ, чтобы показать, что тогда-то и тогда-то, тамъ-то и тамъ-то, такое-то лицо поднимало подобный же вопросъ? или что та или другая мысль не вполне гармонируетъ съ цѣлымъ? или что въ томъ-то и томъ-то мѣстѣ употребленъ терминъ, не вполне удачно схватывающій суть мысли?—спрашивали мы себя, пробѣгая строки болѣе части столичныхъ изданій, касавшихся мнѣній «Недѣли». Вѣдь эти вопросы—вопросы общественнаго міросозерцанія, тѣ роковые вопросы, которые въ необычайно запутанной и сложной формѣ ставятъ современному человѣку жизнь, говоря ему,

какъ сказочный сфинксъ: или разрѣшай ихъ, или погибай, погибай самую страшную изъ смертей—нравственной смертью живаго человѣка, человѣка, находящагося въ полной силѣ сознанія и чувства... И вотъ, когда стоишь въ роковомъ недоумѣніи передъ чудовищемъ, а мысль тревожно бьется и мечется, пытаясь найти разгадку, или, что еще хуже, когда уже, послѣ тщетной борьбы, начинается ослабѣвать инстинктъ, и ты, въ предсмертной агоніи, чувствуешь, какъ начинается заживо обхватывать разложение—можно представить себѣ, что значить въ подобномъ положеніи не рѣшеніе вопроса—это было бы ужъ слишкомъ много—а хоть новая его постановка, дающая намекъ на рѣшеніе, хоть самое общее указаніе направленія, которому надо слѣдовать, чтобы придти къ этому рѣшенію. Такъ отнеслась къ дѣлу та часть провинціи, о которой мы, какъ знающіе ее, считаемъ себя вправѣ говорить. Суть въ томъ, что для мнѣшаго провинціала рѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ (тѣхъ, которые мы называли вопросами общественнаго міросозерцанія) есть дѣло насущной необходимости, въ болѣе строгомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ, наприм. (?), для интеллигентнаго столичнаго жителя. Столичный житель можетъ, напримѣръ, рѣшить всѣ свои недоразумѣнія или подысканіемъ готовой формулы изъ имѣющагося ихъ запаса, или видоизмѣненіемъ какой-либо изъ гововыхъ, или, наконецъ, составленіемъ своей новой и, затѣмъ, незадѣваемой жизнью, онъ можетъ себѣ жить да поживать въ томъ душевномъ спокойствіи, которое дается увѣренностью въ истинности своей исходной точки. Совсѣмъ иное положеніе провинціала—положеніе по истинѣ трагическое. Тщетно перерываетъ онъ богатый складъ общеевропейской науки и философіи, пытаясь найти въ немъ то орудіе, которое даетъ ему возможность бороться съ приступающими къ горлу жизненными вопросами и требованіями, тщетно, увлекаясь иллюзіей, хватается то за то, то за другое; жизнь вырываетъ изъ рукъ и ломаетъ, какъ ничтожную тростинку, все, что ему въ первоначальномъ ослѣпленіи кажется такой... Не годится ни то, ни другое, ни третье... а, между тѣмъ, запасъ, на который ты надѣялся, приходитъ къ концу: гдѣ искать новое орудіе? Или... или сложить безпомощно руки? Но, пока силенъ инстинктъ жизни, онъ не даетъ примириться со вторымъ рѣшеніемъ; надо искать, искать, а, между тѣмъ, время уходитъ, надежда найти что-нибудь подходящее все слабѣетъ. Но вотъ раздается голосъ, который говоритъ: «не трудитесь напрасно, вы ищете не того, что нужно, и не тамъ, гдѣ нужно; для того, чтобы встрѣтить вызовъ нашей жизни, намъ не годится готовое орудіе, надо готовить новое»... И когда это говорится не голословно, а поддерживается и вѣскими общими соображеніями, и фактическими доказательствами—понятно то сочувствіе, съ какимъ встрѣчается этотъ голосъ. Мы убѣждены, что провинція не ошиблась, отдавъ свои

сочувствія мнѣніямъ «Недѣли», выражающимся въ статьяхъ гг. Кавелина, П. Ч. и др.»

Откровенно сознаюсь въ своемъ столичномъ безсердечіи: мнѣ было скучновато и даже непріятно выписывать эту напряженно-страстную тираду. Но я долженъ былъ это сдѣлать, потому что въ ней счастливымъ образомъ сгруппировались всѣ нужные мнѣ элементы:

Соперничество провинціальной литературы со столичною, стремленіе провинціаловъ пикироваться, мѣряться, развивать канитель о своихъ разнообразныхъ преимуществахъ передъ нами, «столичной прессой». Этимъ не одна г-жа Ефименко занимается. Высокое мнѣніе о себѣ провинціальныхъ дѣателей литературы достигаетъ иногда даже еще большей энергіи выраженія. Такъ, пылкій «литераторъ-обыватель» заявляетъ: «Если бы вы знали провинцію, вы знали бы и то, что на *десятокъ* вашихъ публицистовъ, фельетонистовъ, рецензентовъ и поддѣльныхъ «провинціальныхъ философовъ» въ провинціи найдутся *сотни* умовъ, передъ которыми ваши завсегдашніе изображаютъ изъ себя жалкое умышленное и нравственное убожество» («Первый шагъ», стр. 482). Вотъ какая страшная пропорція! Когда, въ прошломъ году, «Кіевскій Телеграфъ» сразу лишился *тринадцати* сотрудниковъ, между которыми были самыя главные и дѣятельныя, въ нѣкоторыхъ нашихъ органахъ было выражено сомнѣніе насчетъ будущности кіевской газеты. Но новая редація «Кіевского Телеграфа» съ гордостью объявила, что провинція, а тѣмъ болѣе такая, какъ Кіевъ, вовсе не такъ бѣдна литературными силами, чтобы газета потерпѣла ущербъ отъ потери тринадцати сотрудниковъ. Конечно, ни одна петербургская или московская редація не отважится на столь великолѣпное заявленіе.

Приподнесеніе «Недѣль» титула Колумба. Этимъ тоже не одна г-жа Ефименко занимается. Съ разныхъ точекъ зрѣнія этотъ торжественный актъ совершается и маркизомъ Голопузенкой «Русскаго Вѣстника», и размазней «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и размазней «Новаго Времени», и пылкимъ «литераторомъ-обывателемъ» казанскаго сборника «Первый шагъ», и Жан'омъ qui pleure, и Жан'омъ qui rit, и даже самой «Недѣлей»...

И подо всѣмъ этимъ—ложь, конечно, бессознательная и непредназначенная; ложь фактическая или ложь умолчанія, или ложь извращенія... И пора, наконецъ, разоблачить эту ложь, которая гнетется больше года, маскируясь хорошими вещами. Я приглашаю только читателя не торопить меня и предоставить мнѣ право говорить и о такихъ вещахъ, которыя, на первый взглядъ, покажутся ему, можетъ быть, мелочью.

«Намъ дико и чуждо то объективно-литературное отношеніе, которымъ встрѣтила столичная пресса вопросы, затрогиваемыя «Недѣлей», говорить г-жа Ефименко.—Неужели вся сила въ томъ,

чтобы показать, что тогда-то и тогда-то, тамъ-то и тамъ-то, такое-то лицо поднимало подобный же вопросъ?» Боже меня избави отъ защиты всего наговореннаго по этому, да и по какому бы то ни было поводу «столичной прессой». Столичная пресса, это—такое собирательное имя, въ которомъ суммируются самыя разношерстные вещи. Однако, такъ презрительно трактующая г-жею Ефименко задача «показать, что тогда-то и тогда-то, тамъ-то и тамъ-то, такое-то лицо поднимало подобный же вопросъ», эта задача совсѣмъ ужъ не такъ заслуживаетъ презрѣнія. Я даже недоумѣваю, можно ли ее назвать «объективно-литературною». Конечно, если какой-нибудь единичный писатель выразилъ случайно какую-нибудь мысль, которая потомъ заглохла и затерялась, то напоминаніе объ этомъ обстоятельстве представляетъ интересъ только для спеціалиста-историка литературы. Журнальный же дѣятель имѣетъ полное право относиться къ нему довольно хладнокровно. Но дѣло получаетъ совсѣмъ иной видъ, когда извѣстная мысль имѣетъ свою исторію. Не пустяки это, не объективно-литературный интересъ—когда цѣлая группа людей живетъ и умираетъ ради той или другой идеи. Тутъ для сторонника этой мысли становится обязательнымъ, не только во имя литературной честности, но и во имя успѣха дѣла, отчетливо знать, постоянно помнить и возможно часто указывать исторію своей мысли. Замѣчательна въ этомъ отношеніи разница между образомъ дѣйствія европейскихъ и многихъ современныхъ русскихъ писателей. Оставимъ въ сторонѣ мелочныхъ эрудитовъ, въ родѣ Рошера или Рау, которые такъ любятъ цитировать древнихъ и новыхъ авторовъ, повидимому, единственно «для познанія всякаго рода мѣстъ». Это—не примѣръ, хотя, надо замѣтить, что страсть къ познанію всякаго рода мѣстъ дѣлаетъ сочиненія подобныхъ ученыхъ, въ своемъ родѣ, драгоценными и незамѣнимыми. Возьмемъ крупныхъ дѣятелей науки и литературы. Возьмемъ, напримѣръ, Геккеля. Этотъ человѣкъ несомнѣнно внесъ «новое слово» въ свою область знанія, а между тѣмъ, посмотрите, съ какою тщательностью выискиваетъ онъ не только въ современной, а и въ старой литературѣ преемственную исторію своихъ идей. Онъ не презираетъ задачи, презираемой г-жею Ефименко. Напротивъ, онъ дорожитъ каждою чертой, на которую можетъ указать, какъ на родственную себѣ въ духовномъ отношеніи, хотя это вовсе не мѣшаетъ ему часто очень рѣзко полемизировать даже съ тѣми, къ кому онъ такъ или иначе близокъ. Еще яснѣе эта черта въ другомъ видномъ современномъ дѣятелѣ науки—въ Маресѣ. Очевидно, не «объективно-литературный» интересъ руководитъ этими людьми, а во-первыхъ, требованія литературной честности, и во-вторыхъ—страстное желаніе успѣха своимъ идеямъ. Они понимаютъ, что дѣло ихъ можетъ только выиграть отъ добросовѣстнаго изслѣдованія историко-литературныхъ корней ихъ идей. Геккелю очень важно показать, что въ твореніяхъ такихъ умовъ, какъ Дарвинъ, Гёте,

Но, въ общемъ, онъ, въ числѣ многихъ другихъ представителей сороковыхъ годовъ, былъ отодвинутъ силами болѣе свѣжими, молодыми, энергическими. Извѣстно, что это обстоятельство сопровождалось нѣкоторымъ недовольствомъ, даже озлобленію, хотя, надо правду сказать, оно никогда не достигало въ немъ такой степени и не принимало такихъ грубо-полицейскихъ формъ, какъ у многихъ его сверстниковъ. Однако, оно было и есть. Помнится, въ 1865 году, г. Кавелинъ, по поводу диссертациі г. Неклюдова, напечаталъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью (она была, кажется, издана потомъ отдѣльной брошюрой), въ которой весьма недвусмысленно принялъ участіе въ позорной травлѣ разныхъ «измовъ». Это было, однако, голось и недостаточно громкій, и недостаточно оригинальный, чтобы остановить на себѣ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, вниманіе общества и литературы. Г. Кавелинъ не заслужилъ ни оптимизмовъ, ни ненависти—не то, что г. Тургеневъ или г. Писемскій или Щербина и т. п. Теперь, какъ уже сказано, г. Кавелинъ опять разпѣваетъ. Эта новая, вторая его извѣстность началась долго утомлявшихъ читателей «Вѣстника Европы» психологическихъ этюдовъ, въ которыхъ авторъ обнаружилъ болѣе усердія и благихъ намѣреній, чѣмъ истинно философской мысли и пониманія избраннаго имъ предмета. Статьи г. Сѣченова, нашего журнала и, сколько помнится, «Знанія» не оставили въ этомъ, кажется, никакого сомнѣнія. Г. Кавелинъ хотѣлъ быть оригинальнымъ, новаторомъ, но оказался желающимъ примирить непримиримое. Оказался онъ такимъ, конечно, только для другихъ, а не для самого себя. Затѣмъ явилось въ «Недѣлѣ» нѣсколько его статей, въ которыхъ развивалась мысль о возможности и необходимости появленія у насъ самостоятельной, оригинальной философской мысли, болѣе или менѣе отличной отъ западно-европейской. Словомъ, г. Кавелинъ явился провозвѣстникомъ *національной* русской философіи. Мы нѣтъ нужды трактовать объ этихъ статьяхъ по существу. Интереснѣе статья «Проектъ поземельной реформы», написанная по поводу достойной лишь смѣха книги г. Миттельштедта «Новыя экономическія начала общественнаго строя». Г. Кавелинъ выразилъ здѣсь нѣсколько очень справедливыхъ мыслей о крестьянствѣ, какъ о важнѣйшемъ, но часто забываемомъ элементѣ русской жизни; о разницѣ между европейскою исторіей и русскою; о поземельной собственности, какъ о гарантіи экономической независимости народныхъ массъ. Надо замѣтить, что г. Миттельштедтъ, несмотря на свою фамилію, есть ярый врагъ нѣмцевъ и столь же ярый другъ славянъ. Сообразно этому, онъ ставитъ вопросъ о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ на чисто національную почву, противъ которой ничего не имѣетъ и его оппонентъ, г. Кавелинъ: онъ только вноситъ извѣстныя поправки, очень, конечно, радикальныя.

Вотъ откуда «мыслящіе провинціалы» получили, по словамъ г-жи Ефименко, «просіяніе своего ума». Что-жь! Это хорошо. Лучшее отсюда, чѣмъ ни отсюда или изъ какихъ нибудь неблаговоленныхъ мѣстъ. Но мыслящіе провинціалы могли на этотъ счетъ просвѣтиться гораздо раньше (и, забѣгая впередъ, прибавлю—лучше) изъ другихъ источниковъ, еще въ то время, когда г. Кавелинъ не раздѣлалъ вторично. Мыслящіе провинціалы хотятъ поставить крестъ надъ этими источниками, дабы водрузить знамя «Недѣли» на новооткрытомъ материкѣ, доселѣ не знавшемъ обитателей. Но, можетъ быть, самъ г. Кавелинъ озабоченъ добросовѣстнѣе этихъ жителей необитаемыхъ острововъ? Прекрасный поводъ для обнаруженія этого прекраснаго качества представлялся ему въ статьѣ «Общинное владѣніе», напечатанной въ только что вышедшихъ номерахъ «Недѣли» (3—5 и 6—7). И вотъ какъ г. Кавелинъ поступилъ. Въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ отношеній русской литературы и русскаго общества къ поземельной общинѣ онъ говоритъ, что были, дескать, у насъ на этотъ счетъ всегда двѣ партіи: славянофилы и западники. Въ первый разъ споръ возникъ между ними въ сороковыхъ годахъ. Славянофилы видѣли въ общинѣ «воплощеніе высшаго христіанскаго идеала взаимныхъ отношеній между людьми, удержавшееся только у насъ и, притомъ, только въ крестьянствѣ»; западники, напротивъ, смотрѣли на общину, какъ на остатокъ патріархальнаго быта, несоответствующій новымъ условіямъ жизни и потому подлежащій разложенію. Споръ въ томъ же смыслѣ получилъ новую пищу въ диссертациі г. Чичерина (1856 г.), а затѣмъ подошло время отмены крѣпостнаго права. Тутъ пререганія должны были уже спуститься съ высоты чисто теоретическихъ разсужденій на практическую почву. «Поборниками общиннаго владѣнія снова выступили московскіе славянофилы, вооруженные большимъ практическимъ знаніемъ великорусскаго народнаго быта, а противниками ихъ, защитниками личной собственности и участковаго владѣнія—западники, опиравшіеся на законы политической экономіи и блистательные результаты примѣненія ихъ въ западной Европѣ... Члены редакціонныхъ комиссій (выработывавшихъ Положеніе 19 февраля) принадлежали, по вопросу объ общинномъ владѣніи, къ одному изъ двухъ воззрѣній, между которыми раздѣлялись, отчасти и теперь раздѣляются мыслящіе русскіе люди».

Прочитавъ этотъ ретроспективный взглядъ на наше недавнее прошлое, я истинно пришелъ въ ужасъ. Страшно за литературу и общество, въ которыхъ возможны подобныя, якобы историческія обзоренія. Какъ могъ написать его г. Кавелинъ, за которымъ утвердилась репутація писателя, хотя не особенно блестящаго, но всегда серьезнаго и добросовѣстнаго? Какъ могла оставить его безъ комментариевъ «Недѣля», которая, до открытія необитаемыхъ острововъ «Печевія», «Кавелиніи» и всего архипелага «Недѣліи», была газетой, хотя нѣсколько вялой и скучной, но

полезной именно своей добросовѣстностью и отсутствіемъ качествъ, характеризующихъ Ивана Непомнящаго? Безъ сомнѣнія, «Недѣля» очень хорошо извѣстно, что по вопросу объ общинѣ наша литература и общество, «мыслящіе русскіе люди», съ пятидесятихъ годовъ дѣлятся не на двѣ, а на три, совершенно опредѣленные партіи; что «воплощеніемъ высокаго христіанскаго идеала» и жалкимъ остаткомъ патріархальнаго быта далеко не исчерпываются понятія русскихъ мыслящихъ людей объ общинѣ; что существовало, задолго до открытія Печевин и Кавелиннй, третье возрѣніе, къ коему, во времена своей почтенной скромности, «Недѣля» примывала откровенно и безъ умолчаній. Это третье возрѣніе, вполне опредѣленное относительно общины, не касалось, однако, только ея: оно раздвигалось въ цѣломъ міросозерцаніи, которое пользовалось глубокимъ, даже восторженнымъ уваженіемъ однихъ и самую злобною ненавистью другихъ; оно пустило въ общество неистребимые корни, воспитало и, безъ сомнѣнія, воспитаетъ еще не одно поколѣніе, въ томъ числѣ и знаменитый архипелагъ «Недѣлію». Поэтому не объективно-литературный интересъ заставляеть меня напомнить объ немъ. Литературный хроникѣръ «Молвы» предполагаетъ, что нынѣшняя народилась новая литературная школа «національнаго сознанія». Этотъ терминъ не привился и, я надѣюсь, не привѣтся. Почтенный хроникѣръ зачисляетъ въ эту школу и меня, и знаменитый архипелагъ. Я не могу принять этой чести по причинамъ, которыя отчасти выяснятся ниже; что же касается до архипелага, то какъ осмѣлился бы онъ назвать себя школой русскаго «національнаго сознанія», когда самая помпа открытія его есть ложь на «мыслящихъ русскихъ людей» и недостойное запамятованіе заслугъ русской литературы? Нѣмцы полагають, что они теперь находятся въ періодѣ «національнаго сознанія», и, конечно, они имѣють больше правъ на эту вывѣску, чѣмъ какая бы то ни было русская «школа». Но, вѣдь, они ставятъ памятникъ Арминію въ Тевтобургскомъ Лѣсу, а не говорятъ, что Арминія никогда не было; выскывая вездѣ бойцовъ за то, что имъ теперь кажется хорошимъ, они даже готовы растянуть каждое ничтожное лыко въ огромнѣйшую строку. Здѣсь много тоже лжи, но это—та именно ложь, которая неизбежна въ періоды «національнаго сознанія». Здѣсь нѣтъ лжи мелкаго озлобленія на своихъ предшественниковъ за то, что они—предшественники, что они открыли Кавелинню раньше Кавелина или, по крайней мѣрѣ, описали ее лучше его. Дѣлаю эту оговорку въ виду упомянутой выше статьи г. Кавелина въ «Атенеѣ». Хотя статья эта стояла совершенно независимо отъ дѣятельности людей, такъ радикально высочившихъ нынѣ изъ памяти г. Кавелина и «Недѣли», но была проникнута отчасти тѣмъ же духомъ, отличаясь только меньшею яркостью и послѣдовательностью. Въ статьѣ этой г. Кавелинъ отстаивалъ общину и, слѣдовательно, не видѣлъ въ ней жалкаго остатка патріархальнаго быта, но не видѣлъ въ ней

также «воплощенія высокаго христіанскаго идеала». Такимъ образомъ, распредѣляя нынѣ всѣ мнѣнія, высказанныя въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ, по двумъ рубрикамъ, г. Кавелинъ доводитъ забвеніе даже до samozабвенія. Такъ именно думалъ я, прочитавъ №№ 3—5 «Недѣля». Это было бы, по крайней мѣрѣ, логично и добросовѣстно, насколько возможна добросовѣстность въ некрасивомъ положеніи, въ которое поставилъ себя г. Кавелинъ. Но №№ 6—7 разочаровали меня. «Недѣля», дѣйствительно, херитъ свое собственное прошлое, почерпая нравственное вознагражденіе въ репутаціи Колумба и Америго Веспуччи. Г-жа Ефименко и другіе провинціальныя писатели, провозглашающіе открытіе новаго архипелага, тоже херятъ свое прошлое. Но г. Кавелинъ... *pas si bête*. Свою статью онъ заканчиваетъ такъ: «Такіе же взгляды высказывали мы, семнадцать лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ, напечатанной въ «Атенеѣ», издававшемся въ 1859 году въ Москвѣ»...

И такъ, семнадцать лѣтъ тому назадъ, существовали московскіе славянофилы, существовали враги общины, опиравшіеся на законы политической экономіи и блистательные результаты личнаго землевладѣнія въ западной Европѣ, да еще существовалъ... г. Кавелинъ. Правда это, г. Гайдебуровъ? (г. Кавелина я не спрашиваю).

Есть, впрочемъ, въ статьѣ г. Кавелина одно мѣсто, на которое «Недѣля», если захочетъ (въ чемъ я впрочемъ сомнѣваюсь), можетъ указать, какъ на пополненіе указаннаго пропуска. Вотъ это мѣсто цѣликомъ: «Не мало у насъ и такихъ противниковъ и защитниковъ общиннаго землевладѣнія, которые смотрятъ на него съвозъ *европейскія очки* (это слово часто раздается на новооткрытыхъ необитаемыхъ островахъ) и примѣняютъ къ нему европейскіе шаблоны. Консерваторамъ этого пошиба мерещатся въ общинномъ землевладѣніи зародыши европейскаго социализма и коммунизма, которые со временемъ, когда разовьются, должны разрушить священное право личной собственности. Естественно, что всякій защитникъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія долженъ имъ казаться крайнимъ изъ крайнихъ, краснымъ, чуть чуть не коммунаркомъ и петрольщикомъ. Къ сожалѣнію, есть у насъ и такіе защитники общиннаго владѣнія, которые наивно принимаютъ вызовъ подобныхъ противниковъ и, стоя съ ними на одной почвѣ, примѣняя, подобно имъ, европейскую мѣрку къ нашимъ общественнымъ явленіямъ, объясняютъ общинное владѣніе въ смыслѣ самыхъ крайнихъ радикальныхъ европейскихъ воззрѣній».

Вотъ единственный намекъ г. Кавелина на существованіе у насъ защитниковъ общины—не славянофиловъ. И какіе это выходять у него жалкіе, глупые люди! Къ сожалѣнію, г. Кавелинъ еще пощадилъ ихъ и выразился не достаточно точно. Чтò, въ самомъ дѣлѣ, значить «объяснять общинное владѣніе въ смыслѣ самыхъ крайнихъ радикальныхъ европейскихъ воззрѣній»? Я ду-

маю, что, какъ упрекъ, это—безсмыслица. Я думаю, что, высказывая его, г. Кавелинъ обнаружилъ только недостатокъ брезгливости, ибо, поднявъ его прямо съ улицы, не потрудился даже хоть маленько пообчистить приставшую къ нему уличную грязь, а такъ, какъ есть, во всей неприкосновенности безобразія, передалъ его г. Гайдебурову для тисненія. А тотъ тиснулъ... Vous avez bien mérités de la patrie, публицисты «національнаго сознанія»! Требуйте себѣ лавровыхъ вѣнковъ и триумфальныхъ воротъ, требуйте смѣлѣе, наглѣе—и вы ихъ получите. Но помните, что ваша patrie есть новооткрытый архипелагъ, а его составляютъ едвали не тѣ самые острова, на которыхъ растетъ тринь-трава. Поведеніе г. Кавелина относительно исторіи взглядовъ на общину—не случайное: оно входитъ въ систему. Г. Кавелинъ ведетъ свою линію упорно и разносторонне. Такъ, въ той же «Недѣлѣ», онъ напечаталъ въ прошломъ году статью «Бѣлинскій и послѣдующее движеніе нашей критики», изъ которой видно, что со времени Бѣлинскаго (т. е. со времени перваго раздѣла г. Кавелина) критика наша двигалась къ ничтожеству. И здѣсь, значитъ, онъ усиливается похерить все то движеніе, которое отодвинуло его, г. Кавелина, изъ первыхъ рядовъ литературы въ задніе...! Объяснять чью-нибудь литературную дѣятельность мотивами узавленного мелкаго самолюбія и чисто личнаго озлобленія—дѣло тяжелое и неприятное. Можетъ быть, приведенные факты допускаютъ иное объясненіе, но это, во всякомъ случаѣ—факты, и я попрошу «Недѣлю», если она удостоитъ меня отвѣтомъ, держаться фактовъ же, т. е., напримѣръ, доказать, что литература, по вопросу объ общинѣ, дѣйствительно исчерпывается славянофилами, западниками—противниками общины, и г. Кавелинѣмъ, да развѣ еще кучкой глупцовъ, едва заслуживающихъ (и то своею глупостью) упоминанія. Не говорите, господа «мыслящіе провинціалы», о мертвенномъ, «объективно-литературномъ» отношеніи къ дѣлу. Я обвиняю «Недѣлю» не только въ умолчаніи, не только въ извращеніи и въ нарушеніи требованій литературной добросовѣстности. Я обвиняю ее въ томъ, что она отнимаетъ у васъ цѣлую драгоцѣнную литературу, какъ отняли у васъ пещерные люди Льва Толстого. Если вы, вслѣдъ за г. Кавелинѣмъ и по его наущенію, отвернетесь отъ того, что у васъ было писано по вопросу объ общинѣ, то вы же останетесь въ убыткѣ. Я вовсе не то говорю, чтобы г. Кавелинъ обязанъ былъ испещрить свою статью цитатами въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «въ томъ же самомъ «Атенеѣ», гдѣ появилась моя статья, только годомъ раньше, была напечатана статья г. Юрьина, въ которой отношеніе общиннаго землевладѣнія къ различнымъ европейскимъ ученіямъ было разработано вполнѣ безпристрастно и безъ всякихъ европейскихъ очковъ». Или: «въ рѣчахъ В. А. Панаева выразился взглядъ на общину, одинаково далекій и отъ славянофильской доктрины и отъ воззрѣній западниковъ—противниковъ общины». Или: «Экономическій указатель»,

ратовавшій противъ общины во имя европейскихъ экономическихъ теорій, встрѣчалъ сильнѣйшій отпоръ не со стороны славянофиловъ». И проч., и проч. Это дѣло библиографіи и специальной исторіи литературы. Но г. Кавелинъ поднимаетъ руку на цѣлое направление, а этого, конечно, не долженъ бы былъ дѣлать чело-вѣкъ, уважающій себя и дорожащій успѣхомъ своихъ идей.

Каковы бы однако ни были мотивы г. Кавелина, но одна лас-точка весны не дѣлаетъ. Не могъ бы онъ совершать публично, во всеуслышаніе, актъ столь явной литературной недобросовѣстности и получать за это не свистки, а лавровый вѣнокъ, если-бы тому не способствовали какія нибудь стороннія и болѣе или менѣе общія причины. Для выясненія этихъ причинъ, позволите мнѣ напомнить вамъ въ самыхъ общихъ чертахъ что именно такъ упорно желаетъ вытереть изъ вашей памяти г. Кавелинъ, и не онъ одинъ, какъ сейчасъ увидимъ. Повторять то, что мно-го разъ уже было говорено, не весело. Но что же дѣлать, если у людей такъ коротка память.

Оживленіе нашей литературы и общества началось съ кон-цомъ крымской войны. Два ряда фактовъ и два теченія мысли вырѣзались при этомъ съ особенною яркостью. Во-первыхъ, была усмирена наша *національная* гордость; во-вторыхъ, оказалось не-обходимымъ улучшить положеніе *народа* (слушайте, г. Фаустъ Щигровскаго Уѣзда, и, если вамъ на будущее время придетъ охота опять сочинять невозможныя слова въ родѣ «ультранаціо-ны», то научитесь, по крайней мѣрѣ, прикладывать ихъ куда слѣдуетъ; запомните разъ на всегда, что нація и народъ, nation и peuple—не синонимы). Это двойственное явленіе отразилось на извѣстной части нашего общества и литературы, наиболѣе живой и энергичной, слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, утра-тили всякій смыслъ славянофильство и западничество, какъ само-стоятельныя доктрины. Не въ пошломъ электизмѣ было дѣло; не то, чтобы явилась надобность или обнаружилось попопознове-ніе примирить эти два, по существу своему, непримиримыя уче-нія. Нѣтъ, надлежало покончить съ самимъ основаніемъ той и другой доктрины, просто выкинуть его изъ счета. Сообразно этому, получилось вполне свободное отношеніе къ «Европѣ», къ выработаннымъ ею теоріямъ, къ ея исторіи, къ ея надеждамъ и разочарованіямъ, а равно и къ Россіи, къ «началамъ русскаго народнаго быта», о которыхъ такъ много толковали славянофи-лы. Образовалось, такъ сказать, новое высшее судилище, передъ которымъ «европейское» и «русское», «національное», не имѣли сами по себѣ ровно никакого значенія—ни положительнаго, ни отрицательнаго. Русская литература смѣло могла тогда сказать, что для нея «нѣсть эллинъ, ни іудей». Это не былъ какой ни-будь совершенно внезапный скачокъ общественнаго развитія. Къ такому же результату, въ общихъ чертахъ, пришли уже и наи-болѣе чуткіе дѣятели сороковыхъ годовъ—конечно, немногіе. Да, наконецъ, самые завзятые, самые крайніе западники и славяно-

фильм фактически не могли преклоняться передъ «Европой» вообще и передъ «началами русскаго быта» вообще. Они, по необходимости, произвольно выкидывали одни изъ «Европы», другіе изъ нашихъ національныхъ особенностей то, что имъ не нравилось, что не соответствовало ихъ собственнымъ идеаламъ, и только на остатокъ отъ этой операціи навѣшивали ярлыкъ своей доктрины. Затянутые къ корсетъ западничества и славянофильства, они производили эту разборку бессознательно и несвободно. Эта-то сознательность, эта-то свобода и народились послѣ крымской войны. Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что лучшіе люди того времени—тѣ самые, которые теперь, черезъ какихъ нибудь пятнадцать-двадцать лѣтъ, когда уже износились сапоги, въ которыхъ мы шли за гробами ихъ, игнорируются и даже оплевываются—эти люди не придавали никакой цѣны титуламъ «европейскій» и «національный». На западѣ или на востокѣ, на сѣверѣ или на югѣ народилась извѣстная идея или извѣстный общественный фактъ—они входили въ новое міросозерцаніе и занимали въ немъ соответственное положеніе, трактовались въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ по своему содержанию, безъ переключки западничества и славянофильства, которая нынѣ опять входитъ въ моду, безъ какихъ бы то ни было европейскихъ или національныхъ очковъ. Это, однако, вовсе не значитъ, чтобы для нихъ не имѣла цѣны историческая почва. Если русская жизнь народила или сохранила нѣчто, съ ихъ точки зрѣнія, драгоцѣнное, они прямо указывали на это обстоятельство и естественно видѣли въ немъ залогъ успѣха своихъ идей. Такъ было именно съ общиной. Г. Кавелинъ говоритъ: «*Никому* не приходило тогда въ голову, что крестьяне могутъ когда-нибудь, какъ случилось впоследствии, помогать обращенія участковаго владѣнія въ общинное». *Никому*—это слишкомъ сильно сказано. Г. Кавелину это, дѣйствительно, не приходило въ голову, какъ видно изъ его статьи въ «Атенѣ»; но другимъ, и именно тѣмъ, кого онъ нынѣ заднимъ числомъ такъ глубоко презираетъ—приходило. Мало того, на этой возможности основывались большія надежды, причемъ историческая прочность общины, ея вѣковѣчность въ жизни русскаго народа представлялась превосходнымъ базисомъ. Г. Кавелинъ, вѣроятно, именно по этому поводу строить свою маленькую (ахъ, какую маленькую!) вавилонскую башню изъ «жупеловъ» въ родѣ европейскихъ очковъ, петрольщичковъ, социалистовъ и проч. и затѣмъ, величественно уперевъ руки въ боки, усаживается на самой вершинѣ башни, воображая, что она дѣйствительно достроена до неба. Господь Богъ, во гнѣвѣ своемъ на строителей вавилонской башни, смѣшалъ ихъ языки. Онъ смѣшалъ и языки строителей маленькой вавилонской башни «Недѣли». «Европейскія очки», въ качествѣ ли упрека или похвалы, очевидно должны быть разбиты въ дребезги, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Въ то время, вся признанная, школьная европейская наука считала общину

безповоротно сданною въ архивъ и осужденною исторіей на забвеніе. А русская литература тогда не чуралась европейской науки. Поэтому, не европейскія очки, а сибѣлость и опредѣленность мысли нужны были для признанія крестьянской общины драгоценнымъ залогомъ будущаго. Г. Кавелинъ скажетъ, что литература наша, все таки, искала себѣ учителей на Западѣ. Мудрено, я думаю, ихъ не искать тамъ. Уроками оттуда пользуются, увѣ! даже гг. Кавелинъ и П. Ч.—только не упоминають объ этомъ. Г. Кавелинъ говоритъ, на примѣръ, объ томъ, что въ западной Европѣ экономической прогрессъ повелъ къ созданію пролетаріата, къ страшной войнѣ между трудомъ и капиталомъ, что экономическая независимость народныхъ массъ наилучше гарантируется поземельною собственностью и т. п. Откуда онъ узналъ все это? Я готовъ впрочемъ допустить, что онъ, подобно Тяпкину-Лянкину, до всего этого своимъ умомъ дошелъ, а другіе узнали, какъ онъ презрительно говорить, изъ иностранныхъ книжекъ. Но такъ какъ онъ говоритъ бுவально тоже самое, что и эти другіе, то его самостоятельность не имѣетъ для меня большого значенія.

Не выходя изъ области экономическихъ идей, я могу указать на одинъ чрезвычайно яркій фактъ самостоятельности нашей литературы пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Поводъ къ этому даетъ недавно вышедшій первый томъ сочиненій Рикардо въ русскомъ переводѣ, бесѣду объ которомъ я долженъ впрочемъ отложить до другого раза. По странному совпаденію, три года тому назадъ, говоря о русской литературѣ, о понятіяхъ націи и народа, т. е. о тѣхъ самыхъ тѣмахъ, которыми и нынѣ вынужденъ занимать ваше вниманіе, я, въ видѣ иллюстраціи, остановился на диссертациі г. Зибера: «Теорія цѣнности и капитала Рикардо». Кругомъ, значить, все быстро идетъ впередъ, выкрикиваются «новыя слова», отерываются необитаемыя острова, а я... я выбираю все тѣ же тѣмы и даже пользуюсь все тѣми же поводами... Что дѣлать, читатель, что дѣлать! Всякому свое.

Вотъ какъ характеризуетъ Рикардо его почтенный переводчикъ: «Не говоря о твердомъ, ясномъ и послѣдовательномъ проведеніи начала, открытаго задолго до него, а именно начала, по которому цѣнность большей части продуктовъ основывается на издержкахъ производства или на количествахъ труда — Рикардо первый изъ числа экономистовъ выяснилъ основную въ политической экономіи законъ взаимнаго отношенія двухъ составныхъ частей цѣны-прибыли и задѣльной платы, и показалъ, что размѣры ихъ обратно пропорціональны между собой. Этихъ въ первый разъ объективно и научно, хотя еще и безсознательно, уваживалась истина, что интересы труда и капитала, развиваемые на полной свободѣ, отнюдь не тождественны, а претивоположны. Изъ этого основнаго положенія Рикардо вывелъ рядъ важнѣйшихъ послѣдствій въ отношеніи къ образованію ренты, къ распредѣленію всѣхъ трехъ отраслей дохода въ

пространствѣ и во времени, къ внѣшней и внутренней торговлѣ, къ системѣ налоговъ и премій и т. д.» Въ пятидесятыхъ и въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, эти идеи Рикардо были въ Европѣ не въ авантажѣ. Такъ называемые экономисты съ почтеніемъ поминали имя Рикардо и видѣли въ немъ какъ бы своего предшественника, но не имѣли съ нимъ собственно ничего общаго, ни по приемамъ изслѣдованія, ни по содержанію своей доктрины. То была доктрина гармоніи интересовъ, развиваемыхъ на свободѣ, въ противоположность Рикардо, пришедшему, какъ мы видѣли, къ тому результату, что «интересы труда и капитала, развиваемые на полной свободѣ, отнюдь не тождественны, а противоположны». Только очень маленькая группа писателей, съ Миллемъ во главѣ, отчасти сохранила традицію Рикардо. Чтò же касается социалистовъ, то, за весьма малыми исключеніями, они крайне враждебно относились къ классической политической экономіи и едва-ли не враждебнѣе всѣхъ къ Рикардо, по разнымъ причинамъ главнымъ образомъ, конечно, по недоразумѣнію, игнорируя его научныя заслуги. Только позже прогрессѣлъ по Германіи «железный законъ заработной платы» Рикардо, а еще позже явился трудъ Маркса, прямо примыкающій къ Рикардо, минуя всю фалангу позднѣйшихъ европейскихъ экономистовъ. Такимъ образомъ, въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Рикардо былъ въ Европѣ совершенно затертъ какъ экономистами, такъ и социалистами. Поэтому, усмотрѣть и оцѣнить его сквозъ какія бы то ни было европейскія очки было нельзя. Надо было быть лучше и сильнѣе вооруженнымъ, надо было обладать стройнымъ и совершенно опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, стоящимъ выше дѣленія на европейское и національное русское. Русская литература имъ тогда обладала и потому дѣйствительно усмотрѣла и оцѣнила воззрѣнія Рикардо. Такъ какъ она относилась и къ этимъ воззрѣніямъ не попугаеобразно, а критически, такъ какъ, далѣе, она вводила въ кругъ своего изученія нѣкоторыя явленія русской жизни, мало доступныя, а въ то время и почти неизвѣстныя иностранцамъ, то я осмѣлился выразить, три года тому назадъ, слѣдующее сужденіе: «Эта русская литература оказывала такія важныя услуги даже чистой наукѣ, что будущій историкъ развитія экономическихъ идей въ Россіи отмѣтитъ ихъ съ величайшимъ почтеніемъ. Скажемъ больше. Будущій историкъ напишетъ: если бы въ это время русскій языкъ былъ извѣстенъ въ Европѣ, то европейская наука могла бы кое-чѣмъ познакомиться отъ этихъ якобы легкомысленныхъ и презирающихъ науку людей». Это сужденіе, я знаю, показалось вамъ слишкомъ смѣлымъ. Признаться, я и самъ не ожидалъ, что оно получитъ нѣкоторое подтвержденіе такъ скоро. Историка развитія экономическихъ идей въ Россіи—еще нѣтъ (я не могу признать таковымъ г. Кавелина), но въ замѣчательнѣйшемъ изъ современ-

ныхъ трудовъ по политической экономіи, далеко оставляющемъ за собой все, доселѣ въ этой сферѣ написанное, я встрѣтилъ самый лестный отзывъ о той русской литературѣ, которую вы, публицисты національнаго русскаго сознанія, одневысказаете. По зорь той литературѣ, гдѣ въ подобныя дѣянія подносятъ лавровые вѣнки, гдѣ, фигурально выражаясь, «вѣшаютъ на вора крестъ, а не на крестъ вдѣваютъ вора», гдѣ провозвѣстниками обновленія провозглашаются... кто? — настоящее слово употребить не рѣшаюсь, недостаточно сильное — не хочу.

Скажутъ можетъ быть, что все это — не въ дѣло, потому что, дескать, все-таки Рикардо, все-таки европеецъ. Объ этомъ нѣсколько подробнѣе ниже. Однако, и теперь уже видно, что дѣло совсѣмъ не въ Рикардо, а въ томъ, что литература умѣла ориентироваться въ чрезвычайно запутанной и сложной обѣи теченій европейской мысли, выбирать изъ нея то, что въ данную минуту было презираемо или забыто всѣми европейскими партіями, и въ тоже время высоко цѣнить явленія, сохранившіяся до этой данной минуты почти только въ одной Россіи, какъ община, въ Европѣ тогда тоже забытая или презираемая. Спрашивается теперь: какое же это было новое міросозерцаніе, въ чемъ состояла та новая точка зрѣнія, которая глядѣла выше и шире какъ европеизма, такъ и націонализма? Во имя чего и въ чемъ объединялись такіа, напримѣръ, повидимому, совершенно чуждыя другъ другу вещи, какъ европейская и, притомъ, вполнѣ отвлеченная теорія Рикардо и русская крестьянская община? Самый бѣглый взглядъ на ту и другую можетъ уяснить въ чемъ дѣло. Основныя положенія Рикардо (не одного Рикардо, а въ болѣе или меньшей степени — всей классической политической экономіи, т. е. и Смита, и Мальтуса, и ихъ предшественниковъ; Рикардо выразилъ ихъ только всѣхъ яснѣе и послѣдовательнѣе) суть: 1) трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности, 2) интересы труда и капитала, развиваемые на полной свободѣ, противоположны. Последнее однимъ экономистъ выразилъ съ неподражаемою силою въ короткой формулѣ: національное богатство есть нищета народа. Одно изъ показаній въ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства очень характерно и прямо гласитъ, что русское (національное) сельское хозяйство процвѣтаетъ только въ томъ случаѣ, если у крестьянъ (у народа) не будетъ собственныхъ хозяйствъ, каковыя гарантируются общиной. Это мнѣніе фактически вполнѣ вѣрно и вполнѣ подтверждается той-же теоріей Рикардо. Его держалась и русская литература пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ; но, въ противоположность упомянутому свидѣтелю въ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго сельскаго хозяйства, она не желала сдѣлать изъ Россіи второе изданіе Европы, не желала буквального повторенія всего европейскаго опыта и потому стояла за общину. Ясно, значитъ, какою цѣмью связывалъ

двѣ, повидимому, столь неподходящія вещи, какъ Рикардо и община: интересы народа,—причемъ понятіе народа самымъ тщательнымъ, самымъ строгимъ образомъ отграничивались отъ понятія націи. На это обстоятельство я обращаю особенное вниманіе читателя.

Вотъ, значитъ, что «Недѣля» желаетъ вытравить изъ вашей памяти. Я далеко отъ мысли предлагать вамъ рабское, подобострастное отношеніе къ чему бы то ни было, а тѣмъ болѣе къ такой литературѣ, которая сама была такъ свободна отъ идолопоклонства. Это было бы оскорбленіемъ ея памяти, пожалуй, не меньшимъ того, которое наносится ей «Недѣлю». Нѣтъ, пятнадцать-двадцать лѣтъ прошли не даромъ; они выяснили не мало ошибокъ и увлеченій, потребовали дальнѣйшаго развитія, новыхъ предложеній—все той же, однако, я думаю, основной мысли, которая одушевляла литературу въ періодъ возрожденія. Не говоря уже о томъ сектантски-замкнутомъ движеніи, котораго талантивѣйшимъ представителемъ былъ Писаревъ, было бы смѣшно засиживаться даже на наиболѣе жизненныхъ сторонахъ старой литературы, оставляя ихъ безъ дальнѣйшаго развитія и разъясненія. Образцомъ такого засиживанья можетъ служить литературная дѣятельность г. Пыпина. Онъ—одинъ изъ живыхъ остатковъ литературы пятидесятихъ-шестидесятихъ годовъ, полнымъ представителемъ которой никогда, не былъ, а многими своими сторонами даже всегда былъ и остается совершенно чуждъ ей. Специальнымъ предметомъ его изслѣдованій всегда былъ національный вопросъ, главнымъ образомъ, въ литературѣ и отчасти въ исторіи и политикѣ. Сообразно духу своего времени, онъ преимущественно въ борьбѣ съ славянофилами, рѣзко отрицательно относясь ко всякому «націонализму» и отстаивая «единство цивилизаціи». Много весьма существенныхъ услугъ русскому обществу оказалъ онъ на этомъ поприщѣ. Но, продолжая и донинѣ борьбу съ славянофилами все съ тѣмъ же азартомъ или, вѣрнѣе, съ тѣмъ же хладнокровіемъ и тѣми же приемами, онъ обратился, наконецъ, въ нѣчто въ родѣ барона фон-Грюнвальдуса:

Баронъ фон-Грюнвальдусъ,
Извѣстнѣй въ Германіи,
Въ забралъ и латахъ,
На камиѣ предъ замкомъ.
Предъ замкомъ Амалѣи
Сидитъ, принахмурясь!..

Года за годами,
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ —
Баронъ фон-Грюнвальдусъ
Все въ той же позиціи.
На камиѣ сидитъ!..

Если баронъ фон-Грюнвальдъ есть г. Пыпинъ, то замокъ Амалы, конечно — «единство цивилизаціи». Этотъ замокъ прекрасной дѣвы (она—дѣва, это вѣрно: по крайней мѣрѣ, она никого не родила и не родитъ) даетъ мнѣ отличный случай для разъясненія новаго слова, сказаннаго «Недѣлей». Такъ какъ при этомъ рѣчь будетъ объ «Отечественныхъ Запискахъ», то, да позволено мнѣ будетъ, во избѣжаніе уличеній въ личномъ самолюбіи и раздраженіи, сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: руководствуясь личнымъ самолюбіемъ, я долженъ бы былъ только благодарить «Недѣлю», ибо въ нѣкоторыхъ ея прошлогоднихъ статьяхъ мнѣ была отведена такая роль въ литературѣ, выше которой не можетъ быть... Я думаю, что это—недоразумѣніе со стороны «Недѣли»... Увѣряю васъ, что и, это замѣчаніе мнѣ крайне непріятно дѣлать. Но я счелъ его нужнымъ, на всякій случай, потому что читатель бываетъ разный...

Въ своемъ очеркѣ литературы по вопросу объ общинѣ, г. Кавелинъ касается и современной литературы, причемъ указываетъ даже на такіе труды, которые еще только имѣютъ появиться (г-жи Ефименко), но зато не упоминаетъ ни работъ г. Клауса, ни, напримѣръ, замѣчательной (таковой она признается всѣми знающими людьми, напримѣръ, г. Е. Якушкинымъ) статьи г. Л—ша, напечатанной у насъ. Однако, главная струя забвенія и презрѣнія, все-таки, устремлена на литературу пятидесятихъ-шестидесятихъ годовъ. Обратное отношеніе мы видимъ у другого сотрудника «Недѣли», г. П. Ч. Правда, и онъ коритъ старую литературу за «европейскія очки», но находитъ для нея многія смягчающія обстоятельства. Главные же его громы направлены на литературу нынѣшнюю, причемъ больше всего достается «Отечественнымъ Запискамъ». Я уже упоминалъ, что возраженія г. Пыпина, «Дѣла» и газетныхъ хроникѣровъ онъ только приналя къ свѣдѣнію, тогда какъ мои побудили его написать довольно сердитый отвѣтъ. Точно также, въ статьѣ «Отчего безжизненна наша литература», онъ, главнымъ образомъ, занятъ промахами (или тѣмъ, что ему кажется промахами) «Отечественныхъ Записокъ». Обращая ваше вниманіе на эти мелочи, я не забываю, что это—мелочи, и значительно сокращаю относящіяся сюда факты. Я надѣюсь, однако, что теперь, когда съ г. Кавелинымъ мы уже почти покончили, читатель убѣдился, что мелочи уясняютъ иногда очень многое. Другое отличіе г. П. Ч. отъ г. Кавелина состоитъ въ томъ, что послѣдній, въ сущности, повторяя многія мысли литературы пятидесятихъ-шестидесятихъ годовъ, или молчитъ объ ней или презираетъ ее; г. же П. Ч. откровенно заявляетъ, что у него съ «Отечественными Записками» «много точекъ соприкосновенія».

Много или мало—это яснѣе обнаружится впоследствии, когда г. П. Ч. потрудится нѣсколько обстоятельнѣе и полнѣе развить свои взгляды, а теперь это—дѣло темное. Взять, напримѣръ, за-

можь Амальи, «единство цивилизаціи». Я противопоставилъ ему теорію типовъ и степеней развитія. О типахъ и степеняхъ развитія говорить также г. П. Ч., а вслѣдъ за нимъ, и г-жа Ефименко. Но говоримъ ли мы одно и то же—это еще неизвѣстно. Теорія типовъ и степеней развитія не представляетъ, по существу, чего-нибудь новаго. Элементы ея даны и разработаны литературой 50—60-хъ годовъ; съ другой точки зрѣнія разрабатывались они славянофилами еще съ сороковыхъ годовъ. Славянофилы, вѣдь, тоже предполагали, что Европа стоитъ на весьма высокой степени развитія, но что *типъ* національнаго развитія выше. Если этихъ словъ и не было сказано (да и то было, именно, помнится, въ книгѣ г. Данилевскаго «Европа и Россія»), то суть была именно такова. Конечно, та литература 50—60-хъ годовъ, о которой у насъ идетъ рѣчь, съ этимъ согласиться не могла и утверждала, что цивилизація едина и національностей не знаетъ. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы ей чуждо было различіе типовъ развитія, независимо отъ его степени. Она, разумѣется, очень хорошо понимала, что, напримѣръ, средневѣковый и новѣйшій европейскій хозяйственный строй, или французская, англійская и русская системы землевладѣнія представляютъ совершенно кореннымъ образомъ различные типы, могущіе имѣть свои, весьма различныя степени развитія. Если же она продолжала отстаивать «единство цивилизаціи», то въ томъ только смыслѣ, что историческій опытъ однихъ народовъ не долженъ проходить даромъ для другихъ; что между всѣми народами неизбѣжно происходитъ обмѣнъ идей; что типы развитія не замыкаются въ рамки національностей; что они могутъ переходить одинъ въ другой; что, наконецъ, европейскія массы, равно какъ и лучшіе умы въ Европѣ, чѣмъ дольше, тѣмъ больше тяготеютъ къ тому типу общественнаго строя, частное выраженіе и невысокую степень развитія котораго представляетъ наша община. Я глубоко убѣжденъ, что все это — сама истина, требующая только, какъ и всякая истина, разъясненія, болѣе точнаго формулированія, дальнѣйшаго развитія и новыхъ приложений. Такъ, напримѣръ, литература 50—60-хъ годовъ, если не исключительно, то преимущественно, подавляюще преимущественно, цѣнила въ быту русскаго народа общинное землевладѣніе. Въ пятнадцать-двадцать лѣтъ (и, право, этимъ нѣчего гордиться) могли открыться въ народной жизни другія, не менѣе драгоцѣнныя явленія, а съ другой стороны, и европейскія исторія могла выставить новые факты. Въ сущности же, положеніе г. Пыпина, какъ барона фон-Грюнвальдуса, нѣсколько комично не столько потому, что онъ

Все въ той же позиціи
На камнѣ сидитъ,

сколько въ силу свойствъ самой его «позиціи», въ силу ея односторонности. Г. Пыпинъ всегда былъ этимъ грѣхомъ грѣшенъ, но

нѣкогда односторонность его не бросалась такъ въ глаза, потому что уравновѣшивалась работами его сотрудниковъ. Теперь онъ такого уравновѣшенія лишень, и потому-то такъ ясна дѣйственность его Амалии.

Итакъ, предлагая теорію типовъ и степеней развитія, я только обобщилъ и формулировалъ истины, давно пущенныя въ умственный обиходъ русскаго общества и отчасти забытыя. Я считалъ ихъ достояніемъ драгоцѣннымъ и въ особенности рекомендую ихъ имѣть въ виду тѣмъ, кто хочетъ правильно размышлять о сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ, въ которыхъ фигурируютъ смежныя, но не покрывающія другъ друга понятія націи и народа. Я не претендовалъ ни на какое «новое слово» — напротивъ: постарался отыскать его даже тамъ, гдѣ едва ли кто предполагалъ его найти — въ старыхъ сочиненіяхъ гр. Л. Толстого. Новое слово приписывается «Недѣлѣ», да она и сама въ этомъ, кажется, убѣждена. Чтò же она сказала? Отвѣчу прямо: «Недѣля» отчасти почти буквально (подчеркиваю) повторила все вышеизложенное, только бросивъ камень въ своихъ предшественниковъ, а отчасти подставила, вмѣсто идеи народа, идею націи. Изъ этой послѣдней операціи не могло выдти ничего, разумѣется, кромѣ ряда противорѣчій, двусмысленностей и туманностей. «Дѣло» и г. Пыпинъ справедливо указали на близость новаго слова «Недѣли» съ идеями славянофиловъ и почвенниковъ. Разница, однако, въ томъ, что тѣ (въ особенности, славянофилы) были несравненно цѣльнѣе, смѣлѣе, послѣдовательнѣе, потому что имъ не мѣшали ингредиенты литературы 50—60-хъ годовъ, которые «Недѣлю» хотя и презираются, но тѣмъ не менѣе эксплуатируются. Вы замѣтили, конечно, несправедливое показаніе г. Кавелина, будто община была въ глазахъ славянофиловъ воплощеніемъ высокаго христіанскаго идеала. Это, конечно — неправда, собственно не полная правда, потому что славянофилы видѣли въ общинѣ, главнымъ образомъ, продуктъ русскаго національнаго быта, хотя, конечно, приурочивали сюда и христіанство, точнѣе сказать, православіе. Правда, г. Достоевскій (все-таки, не чистый славянофилъ), въ послѣднемъ номерѣ своего «Дневника писателя», указываетъ на православіе, какъ на коренное начало русскаго народнаго духа, но этимъ отнюдь не исчерпывается славянофильская доктрина. Если же г. Кавелинъ поставилъ дѣло такимъ образомъ, то единственно потому, что и самъ онъ, въ пику «европейскимъ очкамъ», склоненъ пристегнуть въ существительному «община» прилагательное «національный», а между тѣмъ, объявить себя славянофиломъ не смѣетъ. Это комически наивное стремленіе сѣсть незамѣтно для публики между двухъ стульевъ въ г. Кавелинѣ еще не такъ сильно, какъ въ г. П. Ч. Г. Кавелинъ еще развѣ только въ помыслахъ о національной русской философіи обнаруживаетъ его.

Г. П. Ч. хочетъ «боротся съ застарѣлымъ мифнѣемъ, достав-

шимся въ наслѣдство отъ подражательнаго періода, будто Россія только отстала отъ Запада, отличается отъ него единственно *степенью* развитія, тогда какъ центръ тяжести вопроса не въ степени, а въ *типѣ*, въ характерѣ развитія» («Недѣля», 1875 г., № 44-й). Чтѣ-жь! Это хорошо—боритесь. Но помните, что борьбу вы можете вести двоякимъ образомъ. Или вы приурочите борьбу къ знамени національности—и тогда вы предадитесь хвастовству, исключительности и бессознательному выбору элементовъ народнаго русскаго быта—словомъ, болѣе или менѣе повторите сказанное славянофилами. Или же вы выберете знамя народа—и, въ такомъ случаѣ, будете охотно черпать изъ европейскаго опыта и европейской науки, совершенно трезво относиться къ прясмопамятнымъ особенностямъ русскаго народнаго быта и не откажете Европѣ въ возможности развитія по наилучшему типу, каковъ бы онъ ни былъ въ данную минуту—русскій или европейскій. Г. П. Ч. предпочитаетъ, однако, шествовать по обѣимъ этимъ путямъ сразу, отчего, конечно, происходитъ путаница. Уже призывъ къ борьбѣ съ «застарѣлымъ мнѣніемъ» оканчивается такимъ афоризмомъ: «а онъ (типъ развитія) у Россіи всегда былъ и впередъ будетъ иной». Не видать, значитъ, Европѣ лучшаго будущаго, какъ своихъ ушей! Вѣчно ей оставаться при ея теперешнемъ непривлекательномъ (такъ характеризуетъ его самъ г. П. Ч.) типѣ! Печально для Европы, но зато недурно для насъ. Я думаю даже, что не зачѣмъ бороться съ «застарѣлымъ мнѣніемъ», если такъ ясно, что типъ развитія нашего отечества всегда былъ и впередъ будетъ иной. Тамъ, чтѣ ни говори, а «будетъ иной»... Это—примѣръ національной исключительности и вѣры въ какую-то таинственную, непреодолимую силу основъ народнаго быта, вѣры, которая надѣлала бы намъ много бѣдъ, еслибы могла укрѣпиться. А вотъ примѣръ національнаго хвастовства и бессознательнаго подбора элементовъ народнаго быта. Статья «Наша національная особенность» («Недѣля», № 31) начинается такъ: «Въ послѣднее время, въ нашей умственной жизни сказывается одна рѣзкая особенность, которую я охарактеризовалъ бы такъ: сознаніе необходимости самобытнаго, національнаго направленія въ разныхъ сферахъ дѣятельности». Затѣмъ поминуются г. Кавелинъ, съ его проэктомъ національной философіи, генераль Фадѣевъ, г. Стронинъ, г. Энгельгардтъ, статья гр. Толстого о народномъ образованіи. «Даже, продолжаетъ г. П. Ч.:—въ группѣ лицъ, которыя въ умственномъ отношеніи жили почти исключительно общечеловѣческими идеями, не замѣчая и не зная существующей Россіи, даже въ этой группѣ все болѣе и болѣе укореняется убѣжденіе въ необходимости сначала серьезно ознакомиться съ народнымъ бытомъ». Помануть еще русскую музыкальную школу и русскую школу живописи, г. П. Ч. объявляетъ, что «всѣ эти разрозненныя явленія говорятъ, каждое на

своемъ языкѣ, что пора перестать мудрить надъ русскою жизнью по иностраннымъ образцамъ и книжкамъ. Это нужно выговорить отчетливо, безъ смягченій. ...Мы имѣемъ дѣло съ своеобразнымъ складомъ общества, который въ цѣломъ до сихъ поръ, правда, далеко уступалъ европейскимъ порядкамъ, но зато имѣеть много задатковъ развиться въ лучшее устройство скорѣе, чѣмъ остальная Европа, потому скорѣе, что пойдетъ иной дорогой. Истинно національное направленіе, по моему мнѣнію, въ томъ именно и состоитъ, чтобы сознательно идти этой дорогой, *развивая тѣ бытовыя особенности, въ которыхъ заключаются залогъ лучшаго будущаго и отбрасывая безобразныя осадки, нанесенныя чисто посторонними историческими событіями въ родъ татарскаго на». Изъ этого видно, что настоящія особенности русскаго быта всѣ превосходны и составляютъ залогъ лучшаго будущаго, а коли и попадаетъ что безобразное, такъ это—чисто посторонній осадокъ... Это—самохвальство и больше ничего. Сто разъ это было перемолото на славянофильскихъ мельницахъ, которыя, своимъ появленіемъ, говорили о моментѣ самобытнаго, національнаго развитія въ тысячу разъ опредѣленнѣе, чѣмъ генераль Фадѣевъ или гг. Кюи и Стасовъ (національная русская музыка). Однако, появленіе славянофиловъ окончилось ихъ исчезновеніемъ, да иначе и быть не могло, потому что принципъ національности способенъ прикрыть самыя разнообразныя вещи, и изъ-подъ этой покрывки каждый можетъ произвольно выуживать все, что ему угодно, игнорируя остальное. А ужъ тутъ чего же ждать хорошаго? Вотъ, напримѣръ, г. П. Ч. говоритъ объ оригинальной, національной русской оперѣ. Одинъ пойметъ дѣло такъ, что надо брать сюжеты изъ русской жизни и вводить въ оперу народныя русскія мотивы; другой потребуетъ именно такихъ-то сюжетовъ, именно такого-то, а не иного освѣщенія явленій русской жизни, укажетъ, напримѣръ, на «Русалку», какъ на типическое либретто русской оперы; третій потребуетъ совсѣмъ другихъ, но тоже національныхъ русскіхъ драматическихъ мотивовъ; г. Кюи (глава, вѣдь) скажетъ, что все это—пустяки: можно взять либретто изъ Гейне или изъ Виктора Гюго, но только выгнать мелодію и насадить речитативъ—это и будетъ оригинальная русская опера. А г. П. Ч., наконецъ, увидитъ въ этомъ рѣшеніи одинъ изъ симптомовъ того, что пора, дескать, перестать мудрить надъ русскою жизнью по иностраннымъ книжкамъ. Или вотъ примѣръ изъ правдъ самого г. П. Ч. Даны два несомнѣнные, тысячами свидѣтелей засвидѣтельствованныя факта. Во-первыхъ, крайне строгое, доходящее даже до звѣрства отношеніе крестьянъ къ преступникамъ, подлежащимъ (законно или незаконно) ихъ суду; во-вторыхъ, необычайно мягкое, гуманное отношеніе тѣхъ же крестьянъ къ арестантамъ, ваторжникамъ, къ «несчастливымъ», къ преступникамъ, осужденнымъ не ихъ, народнымъ судомъ. Коно-*

крадь или поджигатель, уличенный или пойманный на мѣстѣ преступленія самими крестьянами, подвергается жестокимъ истязаніямъ и иногда просто забивается до смерти; такой же конокрадь, такой же поджигатель, проходя мимо деревни въ кандалахъ, т. е. будучи осужденъ «на законномъ основаніи», получаетъ имя «несчастнаго», добрыя пожеланія, сочувствіе и дорожную лепту вдовицы. Обративъ вниманіе на это любопытное противорѣчіе, г. Е. Якушкинъ, человѣкъ, очевидно, хорошо знакомый съ великорусскимъ бытомъ, но не зараженный маніей націонализма, предположилъ, что на образованіе гуманнаго отношенія къ каторжнымъ, ссыльнымъ, острожникамъ имѣли вліяніе организація старыкъ судовъ и произволъ помѣщиковъ, ссылавшихъ своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь. Мнѣніе г. Якушкина показалось мнѣ оригинальнымъ, вѣрнымъ, и я привелъ его въ «Запискахъ профана», сдѣлавъ нѣкоторые выводы. Г. П. Ч., возражая мнѣ, пишетъ: «Ученые люди только въ послѣднее время дошли, что потому-то и потому преступникъ скорѣе достоинъ сожалѣнія. А наши крестьяне давно зовутъ преступника «несчастливымъ» и (Nota bene) далеко не потому, что онъ не ими осужденъ. Прислушайтесь, что лежитъ въ основаніи ихъ взгляда: «не намъ судить!» Сколько непосредственной человѣчности въ этомъ простомъ: не намъ судить! Всего же лучше, что крестьяне относятся такъ не на словахъ только, а на дѣлѣ—материально помогаютъ изъ своихъ скудныхъ средствъ». Вотъ и извольте съ такимъ человѣкомъ разговаривать. Надобно, какъ въ связкѣ про бѣлаго бычка, начинать съ начала: «не намъ судить!»—это прекрасно и, дѣйствительно, очень гуманно, но почему, когда народъ самъ судить, онъ бываетъ жестокъ до звѣрства? Вамъ опять отвѣтять лирикой и упорнымъ закрываніемъ глазъ на цѣлую серію несомнѣнныхъ явленій народнаго быта. Вы опять сказку про бѣлаго бычка и т. д., и т. д. Изъ такого отношенія къ дѣлу, конечно, ничего путнаго выйти не можетъ и, прежде всего, не можетъ сложиться пониманіе народной жизни. Можетъ быть, мнѣніе г. Якушкина совсѣмъ невѣрно, можетъ быть, гуманное отношеніе крестьянъ къ «несчастливымъ» допускаетъ и требуетъ совсѣмъ иныхъ объясненій. Но лирика и умысленная слѣпота, конечно, ихъ дать не могутъ. Отъ этого именно и славянофильство изморомъ кончилось. Еще одинъ примѣръ лирики и умысленной слѣпоты г. П. Ч., и я повончу съ этой стороны его воззрѣній (у него есть другая, не впримѣръ лучшая). Обративъ его вниманіе на многія, крайне непривлекательныя стороны народнаго быта, я получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Даны суевѣрія, идолопоклонство и инныя представленія, съ ними сопрясающіяся: по формѣ—грубо, аляповато, иногда просто возмутительно. А между тѣмъ, тутъ въ зародышѣ лежитъ великое чувство: стремленіе подчинить свое эгоистическое я чему-то болѣе широкому, высшему, къ которому человѣкъ имѣетъ

нравственные обязанности и чему, при случаѣ, готовъ жертвовать своей личностью. Важнѣе всего, что это чувство не головное—какъ идейная любовь къ человѣчеству, съ которой у него много общаго—а фізіологическое, насквозь проникающее душу и тѣло: простой человѣкъ диспутировать объ этомъ не станетъ и самъ не знаетъ, откуда оно взялось. Какіе чудные узоры могъ бы выткать, опираясь на это чувство, развитой умъ, вооруженный знаніемъ вѣва! И насколько эти узоры были бы выше и, главное, прочнѣе тѣхъ чисто головныхъ симпатій къ человѣчеству и общему благу, которыми пробавляется большинство такъ-называемыхъ образованныхъ людей! Смѣю думать, что многимъ, съ высоты своего величія взирающимъ на народныя суевѣрія, нужно горько пожалѣть, что они, вмѣстѣ съ грубою внѣшностью, эмансипировались и отъ сути дѣла, за что теперь и расплачиваются своею нравственной дряблостью, которую не можетъ заглушать и излечить никакая головная начинка». Долженъ признаться въ своей слабости: я очень люблю оригинальныя мысли, да и въ самомъ дѣлѣ, въ парадоксахъ почти всегда есть нѣчто освѣжающее, озаряющее. Поэтому, мнѣ даже прискорбно, что приведенная мысль, несомнѣнно, очень оригинальная, не имѣетъ рѣшительно никакого фактическаго основанія. И я предполагаю, что г. П. Ч. здѣсь опять-таки умышленно закрываетъ глаза. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно, что зерно, ядро «суевѣрій и идолопоклонства»—совсѣмъ не таково? Кому неизвѣстно, что, по крайней мѣрѣ, рядомъ (это—большая уступка съ моей стороны) съ самопожертвованіемъ, суевѣрія и идолопоклонство всегда гарантировали пожертвованіе *чужою* личностью, ажъ до человѣческихъ жертвоприношеній и людоедства, которое также имѣетъ религіозную санкцію. Всякое идолопоклонство и кровь человѣческая—неразлучные спутники. Велика можетъ быть душевная сила турка, который въ эту минуту рѣжетъ голову христіанина, проникаетъ, можетъ быть, насквозь его душу и тѣло идея признанія надъ собой чего-то высшаго, онъ даже, пожалуй, и собой жертвуетъ, идя въ битву; но, кромѣ крови, отсюда ничего не выходитъ. Велика душевная сила вдовы индуса, всходящей на костеръ, если она всходитъ на него добровольно, но что сказать о тѣхъ суевѣріяхъ, которыя установили этотъ обычай, равно какъ и обычай убійства слугъ и рабовъ на могилѣ благороднаго человѣка? Самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей суевѣрій и идолопоклонства достаточно, чтобы убѣдиться, что стремленіе подчинить свое эгоистическое я чему-то высшему играло тутъ ничтожную роль. Оно есть явленіе очень позднее; да и то мученики всегда предполагаютъ мучителей, стоящихъ на одной съ ними почвѣ, хотя и поклоняющихся другимъ идоламъ. Въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ, идолопоклонство только санкционируетъ совершенно эгоистическія стремленія сильныхъ, причемъ

слабыя приносятся въ жертву. Есть, конечно, и такіе случаи, когда суевѣрія и идолопоклонство не имѣютъ такого характера и когда личность, чувствуя свою слабость, бѣжитъ подъ защиту или спасается отъ угрозъ созданнаго ею сонма идоловъ или лѣшихъ, домовыхъ и т. п. Полагаю, что стремление, о которомъ говорить г. П. Ч., тутъ, по малой мѣрѣ, не при чемъ.

Будеть. Г. П. Ч. не только такія вещи говорить, онъ способенъ разсуждать здраво, отдавая себѣ ясный отчетъ въ произносимыхъ имъ словахъ. Четыре или пять статей его, напечатанныхъ въ «Недѣлѣ», заключаютъ въ себѣ, наряду съ туманностями и путаницей, мысли очень вѣрныя и очень хорошо изложенныя, которыя я рекомендую вниманію читателя, какъ рекомендую и статью г. Кавелина объ общинномъ землевладѣніи. Я могу здѣсь намѣтить только общій характеръ ихъ. Но для этого посмотримъ сначала, чѣмъ недоволенъ г. П. Ч. въ современной литературѣ и чего онъ отъ нея требуетъ.

Г. П. Ч. очень строгъ. Онъ утверждаетъ, что вся современная литература не знаетъ Россіи, не хочетъ ее знать, смотритъ на нее сквозь европейскія очки, пробавляется «выписными идеалами» и иностранными книжками, черпаетъ свои задачи не изъ русской жизни и т. п. Одно возраженіе г. Пыпина на это огульное обвиненіе выражено такъ хорошо, что мнѣ остается только повторить его. «Неужели дѣйствительно, говорить г. Пыпинъ:—напримѣръ, Шедринъ не видалъ губернскаго города, Писемскій смотрѣлъ сквозь заграничныя очки, Некрасовъ не имѣетъ понятія о деревнѣ, Тургеневъ или Островскій не видалъ провинціи, Рѣшетниковъ или Сквядинъ писали по заграничнымъ книжкамъ и т. д. и т. д.? Наконецъ, и люди, живущіе въ Петербургѣ, неужели видятъ русскую жизнь издали? Намъ кажется, наоборотъ, что нѣкоторые, весьма существенныя стороны ея они видятъ такъ близко, какъ едва ли кто можетъ видѣть въ провинціи» («Вѣстникъ Европы», № 1). Это простое замѣчаніе хорошо тѣмъ, что не только устраняетъ добрую половину нареканій г. П. Ч., но указываетъ на несостоятельность самаго его приема. Въ самомъ дѣлѣ, поименованные писатели извѣстны намъ, такъ сказать, съ головы до ногъ; мы знаемъ, что они въ провинціи бывали, деревню видали, а кое кто можетъ быть даже ни одной иностранной книжки не читалъ. Но вѣдь это—случайность, т. е. случайно знаемъ мы объ нихъ все это. А собственно нѣтъ и не можетъ быть, да и ненужно, пожалуй, такой статистики, которая могла бы подтвердить или опровергнуть показанія г. П. Ч. Но дѣло въ томъ, что замѣчаніе г. Пыпина до такой степени просто, что трудно допустить, чтобы оно не приходило въ голову самому г. П. Ч. Я склоненъ думать, что онъ это только съ горяча, съ разбѣгу объявилъ: никто не бывалъ въ провинціи, никто не видалъ деревни; что хотя онъ и очень сильно напираетъ на

этот пункт, но желаетъ сказать нѣчто другое. Знаніе народной жизни есть дѣло насущнѣйшей необходимости—это несомнѣнно. Литература въ дѣломъ обладаетъ имъ въ очень недостаточной степени—это опять несомнѣнно. Но, кажется, здѣсь дѣло не въ одномъ знаніи. П. И. Мельниковъ, напримѣръ, вѣроятно, хорошо знаетъ многія стороны русской народной жизни, знакомства же съ иностранными литературами, по крайней мѣрѣ, не обнаруживаетъ, но я сомнѣваюсь, чтобы его дѣятельность удовлетворяла г. П. Ч. Біографія г. Фауста Щигровскаго Уѣзда мнѣ неизвѣстна, и, право, я объ этомъ рѣшительно не жалю: уроженецъ ли онъ Офицерской Улицы или знаетъ вдоль и поперегъ Щигровскій и многіе другіе уѣзды, онъ, все равно, ровно ничего не понимаетъ въ занимающихъ насъ здѣсь вопросахъ. Г. Фетъ живетъ, кажется, безвыѣздно въ деревнѣ, но я не думаю, чтобы его уличенія мужика въ разныхъ пакостяхъ заставляли сердце г. П. Ч. биться сочувственно. Все это, повторю, такъ просто, такъ понятно, что не могло не представляться уму самого г. П. Ч. если не съ полною ясностью, то хоть какъ-нибудь въ полутуманѣ. Чтò же онъ хотѣлъ сказать? Г. П. Ч. заявляетъ теперь, что, говоря о «людяхъ деревни», онъ очень хорошо помнилъ крайнее разнообразіе, а также очевидную непривлекательность многихъ особенностей народнаго русскаго быта; онъ очень хорошо понималъ, что надо сдѣлать извѣстный выборъ среди этихъ особенностей. Онъ только утверждаетъ, что «сдѣлать этотъ выборъ удовлетворительно могутъ только тѣ, которые, *вмѣсто того, чтобы исходить изъ абстрактнаго человетка, существующаго внѣ времени и пространства, и навязывать* (курсивъ принадлежитъ г. П. Ч.) свой выборъ, предварительно ассимилируютъ наслѣдство русской деревни, психологически сродутся съ нимъ и уже тогда станутъ пускаться въ обобщенія. Это и будутъ «люди деревни», которые одни способны оживить нашу литературу. Sapienti sat». («Недѣля» 1876, № 2). Sapienti, конечно, sat. Sapienti, можетъ быть, и совсѣмъ статьи г. П. Ч. не нужны. Но, вѣдь, онъ имѣетъ дѣло не съ мудрецами, а съ публикой, съ массой читателей, которая естественно требуетъ нѣсколько болѣе ясной мысли. Ея только требую и я, потому что чрезвычайно заинтересованъ вообще образомъ мыслей г. П. Ч. Взявъ на себя трудъ привести мыльный пузырь «Недѣли» къ его естественному концу и исполняя эту черную работу, такъ сказать, документально и, какъ, надѣюсь, повѣритъ читатель, съ порядочной скукой для себя, я хотѣлъ бы, однако, бережно отдѣлать и указать все дѣйствительно цѣнное. Тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о дѣлѣ, интересующемъ меня, какъ профана, больше всего на свѣтѣ, больше даже гг. Менделѣева, Вагнера и тѣхъ графинь и бароновъ, которые подписали протестъ противъ отчета комиссія для изслѣдованія спиритическихъ явленій, хотя пульсъ нашей обще-

«ственной жизни едва ли не энергичнѣе всего бьется на этомъ пунктѣ. Нѣчто, дѣйствительное цѣнное, можетъ быть и не быть въ приведенной мысли г. П. Ч., равно какъ и въ «Недѣлѣ» вообще, смотря по дальнѣйшему ея развитію. Опять-таки одно изъ двухъ: или это—старая славянофильская дребедень со всюю ея неопредѣленностью, бессознательностью и произвольностью; или прямое наслѣдіе (не говорю: повтореніе) литературы 50—60-хъ годовъ. Можетъ быть, конечно, еще третій исходъ, именно—стремленіе сѣсть незамѣтно для публики между двухъ стульевъ. Во всякомъ случаѣ, хорошая мысль должна быть выражена по возможности ясно, иначе хоть бы ея и не было, иначе она можетъ только плодить недоразумѣнія.

Мысль о «народно-психологической подкладкѣ» очень правител-ся «Недѣлѣ». Она развиваетъ ее и въ редакціонной статьѣ на новый годъ «Наши задачи». Нельзя, впрочемъ, сказать *развиваетъ*, потому что дѣло выясняется весьма мало. Трудно даже разсказать, какъ понимаетъ «Недѣля» народно-психологическую подкладку, а выписывать не хочется, потому что выписоetz, кажется, уже довольно. Почтенная газета прямо заявляетъ, что надо отбросить, при оцѣнкѣ явленій русской жизни, европейскіе шаблоны, но продолжать однако учиться у Европы, «такъ же учиться, какъ мы учились до сихъ поръ». Это, если хотите—наиболѣе ясная, но и наименѣе оригинальная часть profession de foi почтенной газеты. Выражая его, она становится въ ряды работниковъ мысли, давно, какъ уже читатель знаетъ, пущенной въ обиходъ нашей умственной жизни, хотя часто, слишкомъ часто забываемой. Да, это прекрасно, будемъ учиться у Европы, но такъ, какъ подобаетъ учиться взрослымъ людямъ: будемъ руководствоваться ея историческимъ опытомъ, выбирая изъ него подходящее и отбрасывая неподходящее; будемъ изучать ея мыслителей—ничего, что это не наша національная философія, а «иностранныя книжки»—но будемъ изучать критически и прилагать западныя теоріи осмотрительно, какъ потому, что они и сами по себѣ, у себя на родинѣ, могутъ оказаться ошибочными, такъ и потому, что условія нашей жизни имѣютъ свои особенности. Будемъ дѣйствовать такимъ образомъ и мы будемъ честными работниками идеи, вотъ уже лѣтъ пятнадцать почти не исчезающей въ русской литературѣ, хотя и пробивающейся иногда едва замѣтной, тонкой струей. Будемъ охранять ее отъ чихъ бы то ни было и кашихъ бы то ни было наскоковъ и расширять, непременно, конечно, расширять, т. е. дополнять и развивать.

Но это—только общая формула, въ которую надо влить определенное содержаніе, надо выяснитъ какіе именно уроки должны мы получить отъ Европы, какія изъ особенностей русской жизни заслуживаютъ положительнаго и какія—отрицательнаго вниманія. И для этого имѣются въ литературѣ кое-какія ува-

занія, даже не кое-какія; но ничто не мѣшаетъ, конечно, «Недѣль» стоять въ совершенной независимости отъ нихъ. До сихъ поръ въ извѣстной части литературы, наиболѣе, все-таки, я думаю, удовлетворяющей требованіямъ «Недѣли», наблюденія надъ русскою жизнью, выводы ихъ этихъ наблюденій, опытъ европейской исторіи и научныя теоріи комбинировались вокругъ интересовъ народа, какъ центра. Счастливымъ образомъ (иначе, впрочемъ, и быть не могло) оказывалось, что, напримѣръ, тѣ самыя экономическія теоріи, которыя фактически въ европейскомъ опытѣ такъ могущественно послужили враждебной народу буржуазіи, ложны именно постольку, поскольку они играли эту роль; содержавшееся же въ нихъ зерно истины, будучи добыто изъ-подъ шелухи, оказалось совершенно иного свойства. Мы (я разумѣю упомянутую часть литературы, къ которой съ гордостью причисляю и себя) взяли это зерно, ассимилировали его, дѣлали изъ него выводы и ставили такимъ образомъ на стражѣ интересовъ народа самую науку. Счастливымъ образомъ (на этотъ разъ, дѣйствительно, счастливымъ, потому что могло бы быть и иначе) значительная часть русскаго народа сохранила общину до нашего времени, когда наука и опытъ, теорія и практика достаточно вооружили насъ для надлежащей ея опѣнки. Она оказалась важной гарантіей интересовъ народа, и мы приняли ее. И т. д., и т. д. Жизнь идетъ впередъ, возникаютъ новыя научныя и философскія теоріи, но онѣ не застаютъ насъ врасплохъ; мы встрѣчаемъ ихъ, какъ и факты дѣйствительной жизни, насколько они доступны нашему обсужденію, критически, приурочивая свою критику все къ тому же центру, который естественно становится намъ все дороже. Возможны, конечно, ошибки, недосмотры, торопливость рѣшеній и т. п.; безъ сомнѣнія, ихъ не мало, но вѣдь не въ нихъ и дѣло. Мы говоримъ только о направленіи дѣятельности, а оно, прежде всего—ясно. Ни русское, ни европейское происхожденіе не гарантируютъ въ нашихъ глазахъ добродѣтели теоріи или факта. Среди интимнѣйшихъ подробностей народнаго быта мы готовы встрѣтить, не закрывая глазъ, черты прямо враждебныя интересамъ народа; среди самыхъ блестящихъ европейскихъ научныхъ теорій—черты, антипатичныя съ этой же точки зрѣнія и по тому самому невѣрныя (причемъ дѣло идетъ не о фактахъ наблюденія, отъ которыхъ мы не отворачиваемся, а объ ихъ освѣщеніи, обобщеніи); точно также не усомнимся мы извлечь изъ «иностранный книжки» нѣчто, подходящее къ нашему верховному критерию. Это не отъ того зависитъ, чтобы мы обладали какими-нибудь необычайными, чрезвычайно самостоятельными умами. Нѣтъ, умами и талантами мы ужъ, конечно, меньше всего хвастаемся. Дѣло гораздо проще. Определенное міросозерцаніе, сохранившееся въ главныхъ своихъ чертахъ два поколѣнія, сообщаетъ чутье, почти инстинктъ, который почти ме-

ханически высасываетъ изъ каждаго даннаго явленія все подходящее и отбрасываетъ неподходящее. Какъ сложилось это направленіе и чѣмъ оно поддерживается—здѣсь говорить не мѣсто. Но мнѣ хотѣлось бы, все-таки, связать на этотъ счетъ нѣсколько словъ, лучше сказать, кое-что напомнить, собственно для выясненія нижеслѣдующаго. Я давно уже отмѣтилъ тотъ фактъ, что въ годину нашего общественнаго возрожденія всплыли наверхъ и завладѣли движениемъ двѣ группы людей, которыхъ я назвалъ разночинцами и кающіями дворянами. Первые, выйдя изъ низшихъ слоевъ общества, были болѣе или менѣе близки къ народу (ихъ дѣды сплошь и рядомъ, какъ у Базарова, землю пахали), знали его и принимали его интересы непосредственно къ сердцу, такъ что элементъ «чисто головной», какъ любить теперь укорительнымъ тономъ говорить «Недѣля», вовсе не игралъ исключительной роли. Кающіеся дворяне, чуткія души изъ привилегированныхъ классовъ, пристали къ разночинцамъ опять-таки далеко не одними головами. Напротивъ: они влагали въ дѣло подчасъ даже слишкомъ много сердца, чувства, въ ущербъ «чисто-головному» элементу. Чувство это было—чувство ответственности за свое привилегированное положеніе, страстное желаніе омыть грѣхи прошлаго и смыть всѣ его слѣды, стать лучше и чище. Нѣтъ нужды припоминать судьбу этихъ двухъ совмѣстныхъ теченій, которыя то сходились, то расходились, то твердо шли впередъ, то сбивались съ прямого пути. Это—исторія. Я напоминаю ее только для того, чтобы показать, что интересы народа стали намъ дороги по двумъ различнымъ причинамъ: однимъ—по близости къ народу, другимъ—по оторванности отъ него. Послѣдній случай любопытенъ по тому длинному обходу, который нужно было сдѣлать, чтобы придти этимъ путемъ къ нашему міросозерцанію. Самая трудность этого обхода отчасти оправдываетъ то уклоненіе въ сторону, виновниками котораго въ литературѣ были Писаревъ и его школа. Но самое теченіе не изсякло. Кающіеся дворяне не исчезли. Ихъ мучить все та же старая душевная боль за свое положеніе. Они, наконецъ, видятъ, что этотъ самый народъ, невѣжественный и нищій, съ точки зрѣнія спокойствія совѣсти, выше ихъ, какія бы звѣзды они ни хватали съ неба и даже чѣмъ больше они ихъ хватаютъ; онъ выше не по какимъ-нибудь своимъ національнымъ особенностямъ, а потому что онъ—народъ.

Г. П. Ч. сейчасъ поможетъ мнѣ еще уяснить дѣло. «Недѣля» не одобряетъ того направленія, которое я старался, по возможности, коротко характеризовать. Она или умалчиваетъ о немъ, или бросаетъ въ него европейскими очками, или просто плюетъ. Сама она смотритъ на дѣло вотъ какъ. Упомянувъ о непригодности для насъ европейскихъ шаблоновъ, не исключаящей надобности учиться у Европы, редакція почтенной газеты за-

являеть, что недостаточно, однако, простого знакомства съ фактами русской жизни: «ихъ еще нужно *почувствовать*, нужно сродниться, сродиться съ здоровыми элементами этой жизни, нужно приобрести то, что мы назвали бы *народной психической подкладкой*» (курсивы «Недѣля»). Идеаловъ своихъ «Недѣля» хочеть, однако, искать «не въ избѣ, не въ нынѣшнихъ крестьянскихъ представленіяхъ, съ битьемъ женъ, съ сѣченіемъ дѣтей, суевѣріемъ, предрасудками и т. п.; эти идеалы, какъ продуктъ высокаго умственнаго развитія, могутъ выработываться только людьми высоко развитыми и способными къ самостоятельному мышленію; но эти люди, прежде всего, должны быть одарены чутъемъ, пониманіемъ народныхъ инстинктовъ и стремленій—словомъ, тѣмъ, что мы назвали народной психологической подкладкой». Это—тѣ же «люди деревни» г. П. Ч. и столь же неудобопонятные. Напрасно только и редакция не прибавила въ концѣ: *sarienti sat*. Мы бы ужъ такъ и знали, что «Недѣля» для мудрецовъ издается, а для насъ, для профановъ, всѣ эти разсужденія представляютъ только хожденіе вокругъ да около. Въ самомъ дѣлѣ, намъ говорятъ, что необходимо сродниться съ *здоровыми* элементами русской жизни и потомъ уже, благословясь, писать; но намъ не указываютъ, въ чемъ состоятъ эти здоровые элементы, да и не смѣютъ указать, потому что это будетъ, во всякомъ случаѣ, произвольно: г. Достоевскій будетъ называть здоровыми одни элементы, «Недѣля»—другіе, я—третьи и т. д., и съ мистической «народной психической подкладкой» въ этомъ разнообразіи не разберешься.

До сихъ поръ редакция «Недѣля» и г. П. Ч. только повторяютъ другъ друга. Но, къ счастью, г. П. Ч. дѣлаеть шагъ дальше. Онъ ясно понимаетъ, что жизненный вопросъ состоитъ въ какомъ-то обмѣнѣ между нами и народомъ, что мы должны что-то дать ему и взаменъ что-то получить, что наша роль состоитъ не въ томъ только, чтобы просвѣщать, а и въ томъ, чтобы просвѣщаться. Онъ даетъ даже замѣчательно опредѣленную формулу этого обмѣна. Всякое міросозерпаніе, говоритъ онъ, слагается изъ двухъ моментовъ: нравственнаго и умственнаго. Мы должны дать народу свое умственное развитіе, а у него позаимствоваться нравственнымъ моментомъ («Недѣля», № 2). Какъ просто! Возьми двѣ груши, разрѣжь ихъ пополамъ, правую половину первой груши приставь къ лѣвой половинѣ второй, а остальное выбрось за окно... Хорошо говорить: дадимъ народу нашу науку («идеи и фактическія знанія») и возьмемъ у него его нравственность («нравственные задатки»); но, оставляя пока послѣдніе въ сторонѣ, я не рѣшусь внушить народу многое изъ запаса науки и, главнымъ образомъ, потому, что опереція съ двумя грушами невозможна. Не говоря уже о наукахъ социальныхъ, въ которыхъ нравственный моментъ такъ рѣзко проникаеть моментъ умственный, я лично убѣжденъ, что,

напримѣръ, дарвинизмъ, какъ чисто биологическая доктрина, обязана своимъ происхожденіемъ, въ значительной степени, нравственно-политическому состоянію современной Европы. Пройдутъ какихъ-нибудь два поколѣнія, можетъ быть, даже меньше, даже навѣрное меньше, если, конечно, нравственно-политическое состояніе Европы сдѣлаетъ тѣ успѣхи, какихъ можно ожидать—и борьба за существованіе, какъ творческій принципъ, будетъ сдана въ архивъ. Конечно, это—только мое личное убѣжденіе, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что не всѣ же наши «идеи» имѣемъ мы право совать народу, даже еслибы онъ былъ готовъ къ ихъ воспринятію. Опять-таки нуженъ выборъ. Нуженъ выборъ и среди «нравственныхъ задатковъ» народа, потому что тамъ тоже всяко бываетъ. Укажите мнѣ точку зрѣнія, съ которой этотъ выборъ возможенъ, да не ссылайтесь на русскую народную психологическую подделку, потому что, вы видите, она бесплодна, какъ весталка, какъ и ея прямая противоположность—дѣвица Амалья, возлюбленная барона фон-Грюнвальдса.

Но, вотъ, наконецъ, еще одно объясненіе г. П. Ч., съ которымъ я уже неизбѣжно долженъ совершенно согласиться. Онъ, я долженъ признаться, очень ловко это устроилъ.

«Нравственные задатки у простонародья вообще, а у нашей деревни въ особенности—правдивѣе, чѣмъ у культурныхъ классовъ, которые у насъ страдаютъ отсутствіемъ историческаго нравственнаго наслѣдства, а на Западѣ, хотя и имѣютъ это наслѣдство, но оно, вообще говоря, неудобнаго свойства. Много есть на это причинъ. «Цивилизованный» человѣкъ, вообще говоря, находится въ ненормальномъ положеніи относительно простонародья; всякій это чувствуетъ, понимаетъ—и тѣмъ глубже, чѣмъ онъ образованнѣе—и, все-таки, остается на своемъ мѣстѣ. Подобный сознательный разладъ, дающій себя чувствовать во всякой мелочи и, притомъ, постоянно, изо дня въ день, не можетъ не отразиться на нравственной фizioноміи. Это—одна сторона дѣла. Затѣмъ, товарное хозяйство, порождая *bellum omnium contra omnes*, медленно, но неизбѣжно подтачиваетъ истинное основаніе нравственности—общественный инстинктъ; причемъ подборъ дѣйствуетъ въ направленіи выживанія тѣхъ, которые, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, обладаютъ болѣе эгоистическими наклонностями; «приспособленіе», происходящее въ этомъ смыслѣ, угрожаетъ опасностью уже прямо человѣческой природѣ. Товарное хозяйство, котораго коренныя свойства обнаруживаются съ полной силой только съ того момента, какъ оно сдѣлалось преобладающимъ, еще не успѣло наложить своего роковаго клейма на наше крестьянство—въ этомъ его великое преимущество. Наконецъ, общинныя и артельныя привычки слишкомъ крѣпко срослись съ нашимъ крестьянствомъ; несмотря на быстроту измѣненія нравовъ, характери-

зующую наше время, они, смѣю надѣяться, пережили бы не на одинъ десятокъ лѣтъ даже фактическое уничтоженіе деревенской общины. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая, дѣлаютъ нравственные задатки крестьянства—не говорю прочіе: это, вѣдь—давнее наслѣдство—а здоровіе, правдивіе, человѣчнѣе, наконецъ, чѣмъ даже у тѣхъ группъ, которымъ придается говорить: я—самъ предокъ (надѣюсь, что потомковъ франковъ и нормановъ и г. М. не станеть отстаивать въ этомъ отношеніи)».

О, конечно, не стану. Даже потомковъ коренныхъ славянъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли франкской, норманской и какой бы то ни было другой инородческой крови, и тѣхъ не стану отстаивать. Да и вообще не стану возражать г. П. Ч. За приведенныя строки, въ которыхъ, отчасти, такъ искусно резюмированы нѣкоторыя главы «Записокъ профана», я могу только благодарить г. П. Ч. Да еще любоваться ловкостью полемическаго приема возраженія мнѣ моими собственными мыслями и словами, по пословицѣ: моимъ же добромъ, да мнѣ же челомъ. Какъ тутъ не согласится? И, такъ какъ мы, наконецъ, напали на пунктъ полнѣйшаго согласія, то, отправляясь отъ него, можетъ быть, и договоримся до чего-нибудь путнаго. Изъ приведенныхъ строкъ можно вывести слѣдующія заключенія. Благодаря многообразнымъ историческимъ условіямъ, народъ нашъ сохранилъ у себя до сихъ поръ тотъ хозяйственный типъ, который нѣкогда былъ распространенъ едва ли не по всему міру. Значитъ, ничего спеціально русскаго, національнаго въ немъ нѣтъ («это надо выговорить отчетливо, безъ смягченія», говоритъ г. П. Ч., впрочемъ, по другому и, отчасти даже, противоположному поводу). Въ этомъ типѣ люди суть «полные носители культуры своего времени и мѣста», говоря словами Шиллера; «сами удовлетворяютъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ», говоря словами гр. Л. Толстого; не имѣютъ «товарнаго хозяйства», говоря словами г. П. Ч. (собственно не г. П. Ч., а одной «иностранный книжки», именно «Капитала» Маркса). Этотъ порядокъ не позволяетъ жить одному члену общественной единицы насчетъ другого или, по крайней мѣрѣ, не даетъ самъ по себѣ (а онъ, къ сожалѣнію, рѣдко бываетъ «самъ по себѣ», т. е. не осложняясь посторонними явленіями), не даетъ разыграться такому паразитизму. Общество можетъ быть бѣдно, можетъ быть богато, но это ничѣмъ не отзывается на его внутреннихъ распорядкахъ, на взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ¹. Понятно, что такой строй жизни, помимо своего эконо-

¹ Мѣсяца два тому назадъ, въ «Русскомъ Мірѣ», а потомъ и въ другихъ газетахъ, явилась изъ Тамбовской Губерніи слѣдующая «выписка изъ курьезнаго прошенія уполномоченныхъ крестьянъ въ уѣздное по крестьянскимъ

мического значенія, долженъ благопріятствовать высокому нравственному развитію, какую бы формулу нравственности вы ни избрали. Сохранивъ этотъ старый хозяйственный типъ, народъ русский сохранилъ, разумѣется, и соответственные «нравственные задатки». Получить ихъ отъ народа было бы для насъ великимъ благомъ и, прежде всего, успокоеніемъ совѣсти, потому что «цивилизованный» человѣкъ дѣйствительно находится въ фальшивомъ положеніи относительно народа, т. е. не всякій, конечно, цивилизованный человѣкъ, а только тѣ чуткія натуры, въ которыхъ совѣсть разбужена.

Вотъ что значитъ попасть на пунктъ полнѣйшаго согласія. Мы сразу сдѣлали чрезвычайно важный шагъ въ опредѣленіи элементовъ обмена между нами и народомъ: отъ него желательно получить совсѣмъ не нравственный моментъ вообще, а тѣ именно нравственные задатки, которые вытекаютъ изъ его экономической независимости, изъ способности самому удовлетворять свои человѣческія потребности. Но мы сдѣлаемъ и еще шагъ, и не одинъ, все отправляясь отъ того же пункта полнѣйшаго согласія. Дѣло въ томъ, что, еслибы «наслѣдство деревни» только и состояло изъ упомянутыхъ нравственныхъ задатковъ, такъ не пришлось бы намъ и разсуждать теперь такъ много и такъ долго о «Недѣлѣ», о русскихъ литературныхъ партіяхъ и т. д. Ничего бы этого не было, и вообще совсѣмъ иной видъ имѣло бы и наше отечество, и весь міръ. Но старый хозяйственный типъ подвергался очень многимъ и крайне разнообразнымъ постороннимъ вліяніямъ, и подъ этими-то вліяніями въ Европѣ почти совсѣмъ исчезъ, а у насъ, по крайней мѣрѣ, осложнился, вслѣдствіе чего потерпѣли осложненія и вытекающіе изъ него нравственные задатки. Загорались войны, являлись побѣдители

дѣламъ присутствіе»: «На общественныхъ сходахъ почти-что вездѣ одинъ порядокъ. Миродни говорятъ, а бѣдние собираются только, чтобы слушать ихъ разговоры. А между тѣмъ, равную повинность отбываютъ, и еще богатые вкладываютъ себѣ бѣдныхъ за подати, но землянымъ надѣломъ пользуются не равно: полевая общественная земля наша, при дѣлежѣ на душу, остается отъ всякаго столба и остатки составляютъ значительную часть земли, которая не дѣлится по душамъ, а отдается за вино и за бездѣнокъ. Кто отдастъ, тѣ и пользуются всѣми правами; а прочіе отбываютъ денежные и натуральныя тяготы богѣ первыхъ, отъ неполнаго надѣла земли, почему терпятъ еще большую бѣдность, доходящую до послѣдняго куска хлѣба, но еще менѣе могутъ выносить подати. А по сему, покорнѣе просимъ: *отдѣлить бѣдныхъ крестьянъ въ особое сельское общество отъ богатыхъ*». Газеты наши по этому поводу только и сумѣли сказать, что это — выписка изъ «курьзнаго» прошенія. На самомъ дѣлѣ, однако, это — не курьезъ, а драгоценный матеріалъ для оцѣнки значенія общины. Несмотря на всю тяжесть своего положенія, крестьяне требуютъ не замѣни общиннаго владѣнія участковымъ, а отдѣленія бѣдныхъ крестьянъ въ особое сельское общество отъ богатыхъ, т. е. болѣе строгаго примѣненія общиннаго принципа.

и побѣжденные, рабы, что прямо клиномъ врѣзывалось въ мораль стараго хозяйственнаго типа. Слабый и неопытный умъ создавалъ рядъ ложныхъ боговъ, а идолопоклонство и суевѣрія, какъ уже было замѣчено, почти всегда санкционируютъ жертву одной личности для другой. Семейныя отношенія складывались несоответственно морали стараго хозяйственнаго типа, жена и дѣти признавались почти рабами. И т. д., и т. д. Всѣ эти бури, пронесившіяся надъ русской деревней, надъ русскимъ народомъ, оставляли по себѣ слѣды, запятнавшіе нравственные задатки стараго хозяйственнаго типа. Ужъ, конечно, крѣпостное право шло прямо въ разрѣзъ съ этими задатками и не могло не привить народу совсѣмъ иныхъ нравственныхъ качествъ, а народъ русскій не одно крѣпостное право вытерпѣлъ. Мимоходомъ сказать, если старый хозяйственный типъ отнюдь не можетъ быть названъ нашимъ національнымъ достоинствомъ, то совокупность всѣхъ многообразныхъ историческихъ осадковъ вполне заслуживаетъ этого названія. Дѣйствительно, старый хозяйственный типъ существовалъ вездѣ и потому не можетъ быть приуроченъ въ какой нибудь одной національности. Историческія же условія, видоизмѣнявшія его, войны и другія столкновения различныхъ группъ людей, комбинируясь въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время, подъ вліяніемъ тысячи случайностей, крайне разнообразно, положили основаніе дѣйствительнымъ національнымъ отличіямъ (я не упускаю изъ виду вліяніе природы, стихійныхъ силъ, а только не ввожу его въ свои соображенія). Но это—мимоходомъ. Такимъ то, значить, образомъ въ народѣ русскомъ, рядомъ съ высокими нравственными задатками, сложились и крайне непривлекательные. Ихъ мы, конечно, у народа вымѣнивать не станемъ. Еще шагъ: нравственныхъ задатковъ, не вытекающихъ изъ экономической независимости, намъ не нужно, какъ бы глупо ни залегли они въ особенностяхъ русскаго народнаго быта, какъ бы ни были они національны. Такъ какъ значительная часть нравственныхъ задатковъ соприкасается съ семейными отношеніями, то нелишне будетъ замѣтить, что и послѣднія очень удобно подводятся подъ найденный нами критерій. Надо только помнить, что баба—тоже народъ. Тогда національность, наприкладъ, пѣсни о томъ, какъ сынъ на матери капусту возилъ и молодую жену въ притяжку водилъ, не будетъ уже насъ смущать: національно, да скверно, «деревня», да хуже «города».

Да мы, кажется, половину своей задачи рѣшили. Остается только опредѣлить, что мы должны дать народу. А это ужъ совсѣмъ просто. Народъ невѣжественъ, мы обладаемъ знаніями. Знанія вообще не только не могутъ поколебать экономической независимости народа, а, напротивъ, только усилить и утвердить ее. Понятно, что даже такія, повидимому, безразличныя знанія, какъ свѣдѣнія о небѣ и землѣ, о солнцѣ и лунѣ, могутъ сами по себѣ только помочь человѣку самому удовлетворять своимъ

человѣческимъ потребностямъ. Надо только имѣть въ виду, что въ нашихъ кладовыхъ науки есть много фактическихъ знаній, которыя и намъ самимъ-то не особенно нужны и которыми нѣтъ и подавно надобности обременять непривычную память мужика. Но есть чисто фактическія знанія, даже особенно въ нашемъ смыслѣ драгоценныя. Мы знаемъ исторію Европы и, между прочимъ, знаемъ, какія обстоятельства въ Европѣ разрушили старый хозяйственный типъ, лишили народъ его экономической независимости. Нашъ народъ этого не знаетъ. Далѣе: говоря объ экономической независимости русскаго народа, мы употребляемъ это выраженіе, конечно, только условно, разумѣя единственно старый хозяйственный типъ. Въ дѣйствительности же, какъ мы уже видѣли, этотъ типъ не въ безвоздушномъ пространствѣ живетъ, въ него со всѣхъ сторонъ во множествѣ вросли явленія совершенно другихъ порядковъ, болѣе или менѣе подрывающія его значеніе; они впились въ него какъ безобразные черные раки въ трупъ утопленника. Мы знаемъ всю эту механику—недаромъ же мы въ четырехъ факультетахъ вывариваемся—народъ не знаетъ. Это—все чисто фактическія знанія. Но факты, это—только сырой матеріалъ. Наши кладовыя науки наполнены, кромѣ сырья, еще обработанными произведеніями, идеями, теоріями, системами. Здѣсь выборъ элементовъ обильна съ народомъ долженъ производиться несравненно осмотрительнѣе. Какъ бы ни разрѣзывалъ г. П. Ч. двѣ групи пополамъ и какъ бы ни старался онъ приставить правую половину одной групи къ лѣвой половинѣ другой, но въ области идей, теорій и системъ нравственный и умственный моменты неотдѣлимы. Собственно говоря, даже кругъ чисто фактическихъ знаній находится въ извѣстной зависимости отъ нравственнаго момента, отъ «нравственныхъ задатковъ». «Человѣкъ изучаетъ, напримѣръ, ассирійскія древности, систематику паукообразныхъ и проч. потому, что его влечетъ къ этимъ знаніямъ, а влеченіе есть уже нравственный моментъ. Конечно, это влеченіе не можетъ повліять прямо на характеръ фактическихъ знаній о данномъ предметѣ, не можетъ ихъ поколебать, измѣнить. Оно можетъ только, сосредоточивая вниманіе на извѣстномъ кругѣ фактовъ, оставить многіе другіе, быть можетъ, болѣе важныя факты безъ разсмотрѣнія. Оттого наши фактическія знанія, разработанныя крайне неравномѣрно и совершенно несоотвѣтственно относительной важности различныхъ разрядовъ фактовъ, въ общемъ, однако, вѣрны и могутъ быть поэтому безбоязненно предложены народу. Но въ идеи, теоріи, системы, вообще въ группировку фактовъ нравственный моментъ вторгается уже совершенно властно. А такъ какъ многіе свои нравственные задатки мы признаемъ негодными и жеедемъ замѣнить ихъ нѣкоторою, вполне опредѣленною частью нравственныхъ задатковъ народа, то ясно, что изъ всей массы нашихъ идей мы должны выбрать только тѣ, которыя, по край-

ней мѣрѣ, не противорѣчатъ экономической независимости народа. Гдѣ и кѣмъ будутъ выработаны эти идеи и теории—въ Англии, на Сандвичевыхъ Островахъ, петербургцемъ, казанцемъ—это рѣшительно все равно. Поясню примѣромъ. Г. П. Ч. напоминаетъ одинъ очень любопытный фактъ. Именно, что, хотя крестьянинъ вообще не считаетъ за грѣхъ рубить чужой лѣсъ, потому что не понимаетъ возможности пріобрѣтенія «Богомъ рощеннаго» дерева въ частную собственность, но признаетъ настоящимъ воровствомъ вывозъ изъ лѣса нарубленныхъ дровъ, т. е. того же дерева, но въ которое вложенъ человѣческой трудъ. Это воззрѣніе, конечно, прямо примыкаетъ къ старому ховяйственному типу, въ которомъ на пользованіе чужимъ трудомъ наложена узда. Воззрѣніе это считается множествомъ чрезвычайно ученыхъ экономистовъ и юристовъ совершенно неправильнымъ, но именно поэтому мы и не посмѣемъ понести ихъ теории и идеи народу, не подвергая однако ихъ остракизму за то только, что они, дескать—европейцы и умѣютъ только иностранныя книжки сочинять. Нѣтъ, среди самыхъ этихъ иностранныхъ книжекъ мы встрѣчаемъ удивительно близкое къ воззрѣнію крестьянъ одно изъ основныхъ положеній классической политической экономіи, мною уже приведенное: трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности. Экономисты нашили вокругъ этой темы и на ней самой много совсѣмъ неподходящихъ узоровъ, подсказанныхъ забраванными нами нравственными задатками. Но нѣкоторые сильные умы, отчасти потому, что они сильные умы, а отчасти потому, что нравственные задатки у нихъ выдались подходящія, вывели изъ своего основнаго положенія нѣсколько экономическихъ законовъ, пригодныхъ рѣшительно для всѣхъ странъ. Это сдѣлано, правда, главнымъ образомъ въ иностранныхъ книжкахъ; но почему же бы намъ не сообщить знаніе этихъ законовъ, въ сущности очень простыхъ, народу, когда мы при этомъ только его же добромъ, да ему же челомъ поклонимся, только не въ видѣ истинета, а въ видѣ знанія? когда мы только уяснимъ ему его собственные интересы?

Таковы, въ общихъ чертахъ, рамки и элементы прямого обмена между нами и народомъ. Но мы можемъ, а, слѣдовательно, должны сдѣлать и еще нѣчто. Народъ безгласенъ. Онъ подаетъ, напримѣръ, прошеніе (см. выше, въ примѣчаніи), исполненное, прямо сказать, глубокаго, хотя и инстинктивнаго нравственно-политическаго такта, а представители общественнаго мнѣнія, газеты, зачисляють его въ разрядъ «курѣзовъ». Мы, конечно, тоже не особенно гласны, но все-таки мы пишемъ, разсуждаемъ, говоримъ, вліяемъ на общественное мнѣніе, будимъ другъ въ другѣ мысли и чувства. Направьте все это въ вышеизложенномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ интересовъ народа или его экономической независимости, и вы получите литературу, достойную названія голоса общественной совѣсти. Усмотритъ ли тутъ «Недѣ-

ля» «народно-психологическую подкладку» и «психологическое сращение съ здоровыми элементами деревни»—я не знаю, но знаю, что она, во-первыхъ, не будетъ у насъ совершенно новою, и что, во-вторыхъ, она будетъ совершенно свободно черпать не только матеріалы, а и выводы какъ изъ иностранныхъ книжекъ, такъ и изъ особенностей русскаго народнаго быта.

Не говорю: *sapienti sat*, потому что не надо быть мудрецомъ, чтобы понять все это. И знаете, чѣмъ, я думаю, отчасти объясняется внезапность открытія необитаемыхъ острововъ архинелага «Недѣли»? Тѣмъ именно, что «Недѣля», издаваясь для мудрецовъ, считаетъ себя вправѣ говорить невразумительно, и потому многіе могутъ вложить въ ея слова свои собственные мысли, весьма, въ сущности, различныя. Съ вышеизложеннымъ «Недѣля» должна будетъ, я думаю, согласиться, потому что мы же вѣдь отправлялись отъ пункта полнѣйшаго согласія. Но ей будетъ жаль «самобытнаго развитія», «національныхъ особенностей», «европейскихъ очковъ» и тому подобныхъ невразумительностей, которыя моею постановкой вопроса устраняются. Много новыхъ невразумительностей можетъ она наговорить по этому поводу, а я ихъ могу отчасти предвидѣть и беру заранее то единственное возраженіе почтенной газеты, которое, насколько я могъ ознакомиться съ ея духомъ, заслуживаетъ отвѣта. Все такъ, скажетъ «Недѣля», но вы отстаиваете интересы народа вообще, даже еще отвлеченнѣе—интересы труда, а не интересы *русскаго* народа, которые отстаиваемъ мы. Я чрезвычайно упрощаю задачу «Недѣли», дѣлая себѣ отъ ея имени это возраженіе, потому что ничего болѣе яснаго и правдиваго она сказать не можетъ. А между тѣмъ, и это далеко не правдиво. Г. П. Ч. иронически замѣчаетъ, что у насъ очень много занимались европейскимъ рабочимъ вопросомъ, не подозревая, что это—вопросъ намъ чуждый, потому что нашъ домашній рабочій вопросъ поставленъ совсѣмъ иначе. Послѣднее, конечно, вѣрно, но это не подозрѣвалось, а прямо говорилось задолго до открытія необитаемаго острова Печевіи. Мало того, бывало давно и не разъ высказываемо, что рабочій вопросъ у насъ не только имѣетъ другой характеръ и разрѣшается другими путями, но что онъ, пока, въ европейскомъ своемъ значеніи у насъ просто не существуетъ. За всѣмъ тѣмъ, мнѣ хотѣлось бы показать, что рабочій вопросъ въ Европѣ изучался у насъ не только не слишкомъ много, а напротивъ, слишкомъ мало, но это—длинная и довольно побочная матерія. Я спрошу только г. П. Ч.: почему онъ не протестуетъ противъ чрезмѣрныхъ занятій спиритизмомъ, дарвинизмомъ, позитивизмомъ, римской исторіей, французской исторіей и проч., и проч.? Я не вижу, почему, разрѣшая намъ удовлетворять свою любознательность въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ званія и исторіи, онъ выгораживаетъ одинъ изъ нихъ, какъ совершенно намъ чуждый? Если же онъ соблаговолитъ разрѣшить

нашей любовательности доступъ и въ эту область, то долженъ будетъ разрѣшить и нѣкоторое сердечное участіе, нѣкоторый интересъ къ роли труда вообще, какъ существуетъ интересъ къ судьбамъ науки вообще, философіи вообще, поэзіи вообще и т. п. Затѣмъ, если положеніе труда у насъ весьма отлично отъ положенія его въ Европѣ, то интересы труда вездѣ одни и тѣ же. Если же бы они столкнулись какъ-нибудь враждебно (что едва ли возможно), то я стану на сторонѣ русскаго труда, русскаго народа. Да и помимо такого столкновенія, во всякое данное время, интересы русскаго народа стоятъ для меня на первомъ планѣ. Почему? Во-первыхъ—потому, что я говорю русскимъ языкомъ и имѣю много общаго съ русскимъ народомъ въ нѣкоторыхъ понятіяхъ, привычкахъ, вкусахъ—словомъ, почву для взаимодѣйствія. Во-вторыхъ—потому, что имъ русскій хлѣбъ, что личная моя безопасность, возможность бесѣдовать съ вами и проч. оплачиваются именно русскимъ народомъ. Эти двѣ причины могутъ комбинироваться крайне разнообразно, образовать сочетанія чрезвычайно сложныя (онѣ будутъ съ возможною для меня полнотою разобраны въ одномъ изъ отдѣловъ «Борьбы за индивидуальность»), но вы всегда выйдете изъ этихъ затрудненныхъ съ честью, если въ словахъ: русскій народъ — подчеркнете существительное. Оно—не только существительное, а и существенное. Это я говорю. Теперь посмотримъ, что говоритъ «Недѣля». Она говоритъ, что ей дороги интересы именно русскаго народа. Надо, по крайней мѣрѣ, это выговорить «отчетливо и безъ смятченій», а то до сихъ поръ этого не видно. Я вижу, что вы радуетесь проекту національной русской философіи, созрѣвшему на необитаемомъ островѣ Кавелиніи; вижу, что вы радуетесь замѣнѣ мелодіи въ оперѣ речитативомъ, какъ чему-то самобытному, національному, особенному, нашему. Причемъ тутъ русскій народъ! Отъ речитатива ему ни тепло, ни холодно, а отъ національной философіи, когда проектъ ея перейдетъ въ область дѣйствительности, будетъ можетъ быть даже холодно. По крайней мѣрѣ, нѣмецкому народу было не особенно тепло отъ національной философіи Гегеля. Несмотря, однако, на задатки національной исключительности и самохвальства, я далеко отъ мысли уличать «Недѣлю» въ славянофильствѣ. Она для этого недостаточно смѣла: она, какъ уже сказано, просто хочетъ незамѣтно для публики сѣсть между двухъ стульевъ. Г. П. Ч. говоритъ, напимѣрѣ, постоянно, что надо перестать трепать заграничныя формулы, забросить иностранныя книжки и т. п. Онъ обрисовался въ своихъ статьяхъ совершенно достаточно, чтобы судить, насколько самъ онъ эмансипировался отъ этихъ зловредныхъ вещей. Онъ писалъ о теории Дарвина въ приложеніи къ обществознанію, о книгѣ Лавеле, о типахъ народнаго хозяйства и проч. Статьи эти, если выкинуть изъ нихъ чисто механически приставленныя разсужденія о самобытности

и трепаніи заграничныхъ формулъ—вообще хорошія, но чего нибудь такого, что не было бы или не могло бы быть доселѣ опубликовано въ иностранной или русской литературѣ, чего нибудь типически новаго въ нихъ нѣтъ. Напримѣръ, вотъ статья «Типы народного хозяйства». Очень хорошая статья. Въ ней доказывается, во-первыхъ, что въ основѣ каждаго крупнаго общественнаго явленія лежитъ экономическая причина. Это, прежде всего—заграничная формула, почерпнутая изъ иностранныхъ книжекъ. Г. П. Ч. распространяетъ эту заграничную формулу и на Россію и, конечно, очень хорошо дѣлаетъ, потому что, когда славянофилы и почвенники доказывали, что въ основѣ крупныхъ явленій русской жизни, въ отличіе отъ эгонистической Европы, лежатъ какія-то духовно нравственныя причины—они говорили пустяки. Далѣе, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ другихъ, развивается идея товарнаго хозяйства, которою освѣщается и европейская, и русская исторія. Между тѣмъ, эта идея есть та же заграничная формула и принадлежитъ не русскому какому-нибудь писателю, подложенному народной психологической подкладкой, а нѣмецкому еврею Марксу. Правда, г. П. Ч. объ этомъ не упоминаетъ, но объ этомъ нечего упоминать, потому что это всё въ извѣстно. Относительно русской литературы, которую г. П. Ч. такъ сильно презираетъ, я, конечно, уже изъ вѣжливости долженъ допустить полную его самостоятельность. Однако, я встрѣтилъ у него не мало мнѣній, совершенно совпадающихъ съ тѣми, которыя въ русской литературѣ были изложены пятнадцать, двадцать лѣтъ тому назадъ, когда народная психологическая подкладка не была еще изобрѣтена и заграничныя формулы, по показанію г. П. Ч., жестоко трепались. Имѣлъ я также удовольствіе встрѣтить подобныя же совпаденія съ нѣкоторыми моими мыслями, хотя я никогда не мечталъ о національной самобытности и, разумѣется, въ числѣ другихъ, «мудрю надъ русской жизнью по иностраннымъ книжкамъ». (Вообще, г. П. Ч. поступаетъ, какъ и всё мы грѣшныя, лишенные народной психологической подкладки: беретъ факты изъ европейской и русской жизни (большую частію историческіе факты, т. е. занесенные въ сочиненія по русской исторіи; новыхъ или даже мало извѣстныхъ бытовыхъ фактовъ онъ не приводитъ ни одного) и оперируетъ надъ ними при помощи идей, отчасти добытыхъ изъ иностранныхъ книжекъ и русской литературы, отчасти самостоятельно выработанныхъ. Я, конечно, за это не упрекаю его, потому что самъ поступаю точно также, притомъ же онъ дѣлаетъ хорошее дѣло и дѣлаетъ его хорошо. Но зачѣмъ онъ портитъ его туманомъ самобытности, которымъ самъ вовсе не дышетъ? Зачѣмъ онъ вводитъ людей въ соблазнъ, участвуя въ неблаговидномъ открытіи необитаемыхъ острововъ, пытаясь отбить людей отъ заграничныхъ формулъ и иностранныхъ книжекъ, которыми самъ очень хорошо пользуется, и отъ своихъ собствен-

ныхъ союзниковъ? Пусть г. Кавелинъ строить свою вавилонскую башню — онъ старъ и золь и, пожалуй, имѣеть свои причины злиться. Пусть «Недѣля» ему потворствуетъ. А вамъ-то что? Вы — писатель начинающій и, по всей вѣроятности, молоды, передъ вами цѣлая жизнь... Положа руку на сердце, говорю: мнѣ было тяжело писать о г. П. Ч., такъ что я даже колебался — писать-ли, и пусть онъ это увидить въ самой рѣзкости моей...

Я хотѣлъ было уже написать à la Спасовичъ: я кончилъ, какъ вспомнилъ, что совсѣмъ не кончилъ. Мыльный пузырь «Недѣли», ея новое слово состоятъ въ томъ, что она взяла готовое уже міросозерпаніе, т. е. старое слово, умолчала или обругала тѣхъ, кѣмъ оно было сказано, и механически прицѣпила къ нему совсѣмъ неподходящія подвѣски «самобытности», «европейскихъ очковъ» и проч. Подвѣски эти, конечно, могли только испортить дѣло и затуманить его. Но почему же этотъ мыльный пузырь обратилъ на себя столько вниманія? Собственно на этотъ вопросъ я и хотѣлъ отвѣтить. Меня тутъ особенно «мыслящіе провинціалы» занимають. Но это уже надо до другого раза.

Н. М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возможна ли популярность въ Россіи.—Ю. О. Самаринъ; его характеристика, отношеніе къ нему русскаго общества; рѣчи гг. Колювача и Аксакова.—М. П. Погодинъ; его характеристика; рѣчь г. Комелева. — Графъ А. П. Шуваловъ; представители извознаго промысла при его погребеніи.—Рѣчи на могилѣ П. М. Леонтьева.—А. П. Шаповъ. Дѣятельность его въ Казани, въ Петербургѣ, отправленіе въ Иркутскъ. — Ольга Ивановна Шапова; ея характеристика и вліяніе на Шапова. Крайняя бѣдность Шаповыхъ въ Иркутскѣ, смерть жены и мужа.

Еслибы какой-нибудь нѣмецъ или французъ спросилъ меня: кто у насъ теперь популярнѣйшій человекъ въ Россіи, а также, кто пользовался популярностью за послѣднія десять лѣтъ? то я, признаюсь, сталъ бы въ большое затрудненіе, какъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Прежде всего, въ умѣ моемъ, навѣрное, промелькнули бы имена Овсянникова, Кокорева, Губонина, Полякова, но потомъ, поразмысливъ немножко, я отвѣтилъ бы, конечно, то же, что отвѣтилъ бы на моемъ мѣстѣ и каждый россианинъ: что у насъ популярныхъ людей вовсе нѣтъ, и пока быть не можетъ. Дѣ, и быть даже не можетъ: ибо приобрести популярность возможно только тамъ, гдѣ есть возможность взять на себя инициативу какого-нибудь народнаго или общественнаго